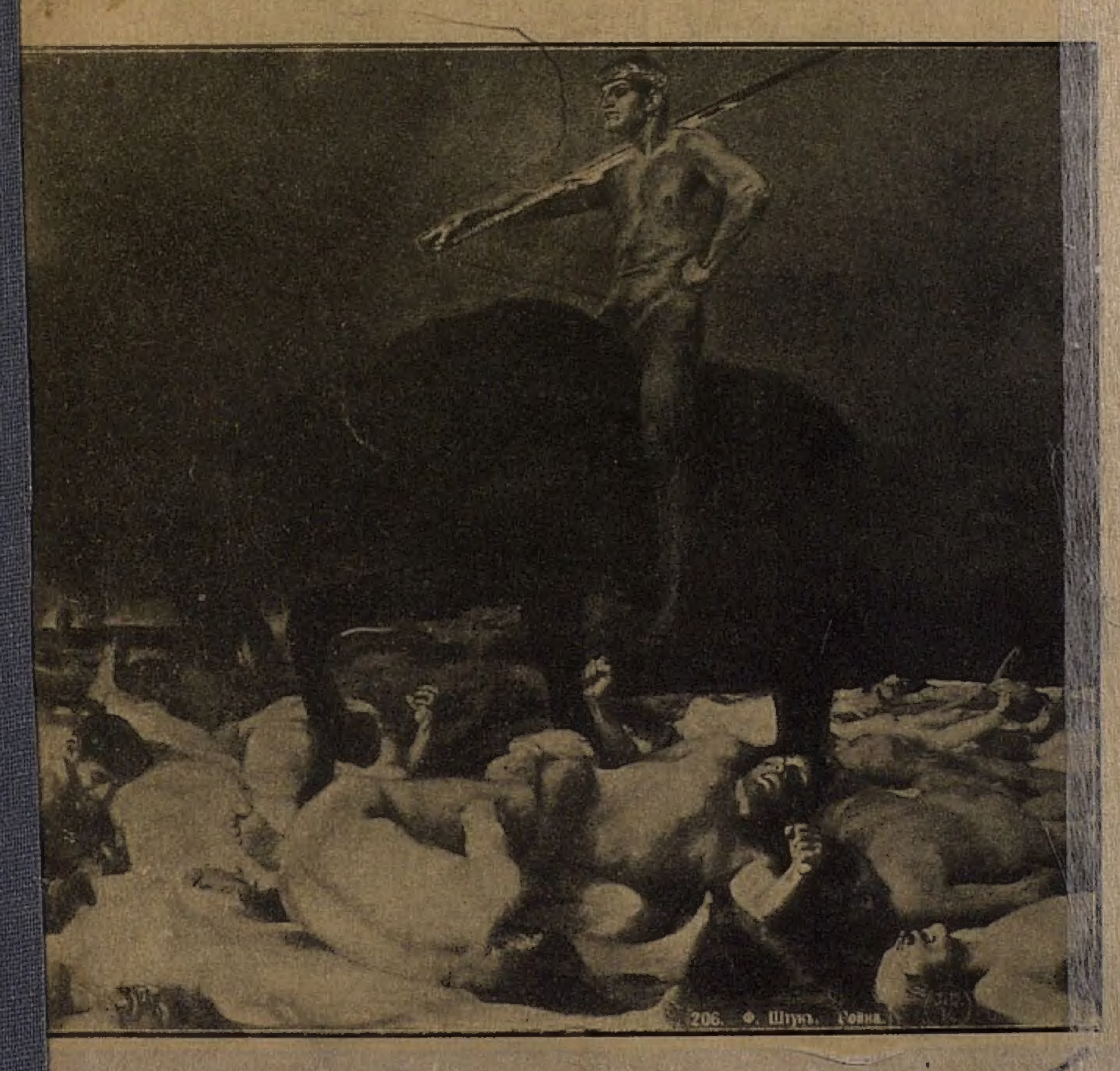
Г. Дж. Уэльсъ.

ВОЙНА ПРОТИВЪ ВОЙНЫ.

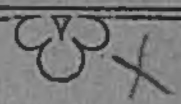
(Мечъ Мира).

206. Ф. Штукъ. Война.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

Г. Дж. Уэльсъ.

ВОЙНА ПРОТИВЪ ВОЙНЫ.

(Мечъ Мира).

Переводъ съ англійскаго
Т. ЗАНКОВСКОЙ.

2-ое изданіе.

МОСКВА.
Книгоиздательство „Современныя Проблемы".
1916.

Тип. „Московск. Печатное Пр-во". Мясницкая, 20.

I.

Почему Англія воюетъ.

Выясненіе причинъ, изъ-за которыхъ мы воюемъ.

Причина войны и цѣль ея—не всегда одно и то же. Причиной настоящей войны явилось вторженіе въ Люксембургъ и Бельгію. Мы объявили войну потому, что были связаны договоромъ. Мы обязались охранять неприкосновенность Бельгіи со времени самаго возникновенія этого королевства. Если бы германцы не нарушили гарантій, которыя они обязались охранять вмѣстѣ съ нами, — гарантій уважать нейтралитетъ этихъ маленькихъ государствъ, мы, конечно, не воевали бы въ настоящее время. Укрѣпленная восточная граница Франціи могла противиться безъ нашей помощи всякому нападенію.

Тамъ у насъ не было ни обязательствъ, ни интересовъ. Мы только обязались охранять Францію отъ морскихъ набѣговъ, но Германія уже обѣщала намъ не дѣлать ихъ. Нашъ договоръ съ Бельгіей и внезапная обида, нанесенная Люксембургу, и явились причинами нашего вмѣшательства въ этотъ конфликтъ. Ни одна держава міра не уважала бы нашъ флагъ и не вѣрила бы больше нашему національному слову, если бы мы не начали этой войны.

Теперь мы приближаемся къ ея цѣли.

Мы начали ее потому, что наша честь и наше ручательство обязывали насъ; но разъ мы уже ввязались въ эту борьбу, мы должны спросить себя, какова конечная ея цѣль.

Мы не можемъ отбросить Германію на ея прежнее мѣсто, за границу Бельгіи, предписавъ ей не повторять содѣяннаго ею вновь. Мы видимъ себя воюющими съ той огромной имперіей милитаризма, съ

которой мы изо всѣхъ силъ старались поддерживать миръ съ того времени, когда она впервые поднялась надъ развалинами французскаго имперіализма въ 1871 году. Война—смертоносный конфликтъ. И теперь мы должны или уничтожить, или быть уничтоженными. Мы не искали этого столкновенія, мы сдѣлали все возможное, чтобы избѣжать его; но теперь, когда оно навязано намъ, оно должно быть окончательнымъ. Эта война касается каждаго человѣка, каждаго очага, каждой изъ воюющихъ сторонъ. Эта война, какъ сказалъ Сидней Лоу, война не солдатъ, но всего народа. И это—война, которая должна быть доведена до такого конца, когда каждый человѣкъ каждой націи пойметъ, что̀ произошло. Тутъ не можетъ быть дипломатическихъ соглашеній, которыя предоставили бы германскому имперіализму свободу разъяснить неудачу своему народу и начать новыя военныя приготовленія. Мы должны

продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ или окончательно разбиты, или пока Германія, какъ народъ, не пойметъ, что она побѣждена, и не убѣдится въ томъ, что она навоевалась вдоволь.

Мы боремся съ Германіей. Но мы боремся безъ всякой ненависти къ германскому народу. У насъ нѣтъ намѣреній уничтожить ихъ единство или ихъ свободу. Но мы должны уничтожить злостную систему правленія, умственное и матеріальное разложеніе, захватившія германское воображеніе и овладѣвшія жизнью страны. Мы должны разбить прусскій имперіализмъ такъ же основательно, какъ Германія разбила гнилой имперіализмъ Наполеона III. Мы должны также воспользоваться урокомъ, даннымъ намъ неудачей этой побѣды, и избѣгать карательныхъ тріумфовъ.

Въ продолженіе сорока лѣтъ прусскій милитаризмъ былъ нестерпимой заразой. Со времени подавленія французскаго имперіа-

лизма въ 1871 году это зло выросло и набросило на Европу свою расползающуюся тѣнь. Германія всему міру проповѣдывала грубую силу и политическій матеріализмъ.

«Кровь и желѣзо», какъ хвасталась она, были цементомъ, спаявшимъ ея единство; почти такъ же открыто ея маленькіе, посредственные, агрессивные политики, сановники и профессора, направлявшіе судьбы Германіи вплоть до настоящаго конфликта, проповѣдывали этотъ цинизмъ и полнѣйшее презрѣніе ко всѣмъ другимъ цѣлямъ, кромѣ національно-личныхъ, какъ-будто это была какая-то религія.

Зло, равно какъ и добро, могутъ быть возводимы въ лицемѣрный культъ. Физическое и моральное озвѣрѣніе, дѣйствительно, превратились въ умахъ нѣмцевъ въ какой-то лицемѣрный культъ, который распространился изъ Германіи по всему свѣту. Я желалъ бы имѣть основаніе сказать, что мысль Англіи и Америки совер-

шенно избѣгли этого разложенія. Но теперь, наконецъ, мы сбрасываемъ съ себя оковы, возстаемъ противъ этой заносчивой безнравственности, чтобы освободить отъ нея міръ. Весь свѣтъ усталъ отъ нея. И «Gott», постоянно призываемый, безъ сомнѣнія, также сильно усталъ отъ нея.

Эта война уже можетъ считаться величайшей войной въ исторіи. Война не народовъ, но человѣчества. Цѣль ея—изгнаніе бѣса мірового безумія и тѣмъ закончить вѣкъ.

Замѣтьте, какъ этотъ лицемѣрный культъ народнаго разложенія дѣйствовалъ втайнѣ. Человѣку, который проповѣдуетъ цинизмъ въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ, лучше держать сыщика и автоматическую кассу для своихъ клерковъ; будетъ самой естественной вещью на свѣтѣ установить, что подобная система, грязная внѣшне—внутренне также гнилая. Рядомъ съ Кайзеромъ стоитъ фирма Круппа, — это вторая вер-

ховная власть; на самыхъ ступеняхъ трона идетъ торговля вооруженіемъ, эта организованная подлость, которая своей неослабѣвающей пропагандой выгоды подорвала всю надежность цивилизаціи, выдвинула прессу, овладѣвъ ею, направляла національную литературу и развратила университеты.

Судите, чѣмъ былъ германскій народъ и чѣмъ онъ можетъ быть. Это—народъ, главный недостатокъ котораго послушаніе и вѣра въ проповѣдниковъ и правителей. Въ остальномъ, какъ можетъ завѣрить каждый, близко ихъ знающій, германцы милѣйшій изъ народовъ. Они естественны, добры, любятъ комфортъ, дѣтей, музыкальны, артистичны, интеллигентны. Во многихъ отношеніяхъ германскіе дома, города и деревни наиболѣе цивилизованные въ мірѣ. Но у германцевъ немного закружилась голова послѣ побѣдъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, послѣ чего

и началась пропаганда національнаго тщеславія и честолюбія. Она была организована нелѣпо-могущественнымъ государственнымъ дѣятелемъ и покровительствуема безумной блажью съ трона. Она была охраняема отъ спасительной критики нетерпимостью цензорской власти.

Она никогда не давала хода здравому смыслу. Своего рода патріотическая сантиментальность слишкомъ готовно отдавалась подстрекательству льстеца, и такимъ образомъ выросла эта чудовищная торговля вооруженіемъ. Германскій патріотизмъ превратился въ «выгоду», величайшую изъ корыстей.

Она развила сильную рекламную пропаганду. Она субсидировала Лиги Флота и Воздухоплаванія, угрожая міру. Мы увидѣли, слишкомъ поздно, что человѣчество было виновно въ ужасномъ безразсудствѣ, въ томъ, что оно позволило частнымъ лицамъ извлекать себѣ выгоду изъ ужасаю-

щихъ приготовленій къ войнѣ. Но зло уже родилось; воображеніе Германіи было захвачено и порабощено. Каждое Европейское государство, цѣнившее свою неприкосновенность, подавляющей необходимостью было принуждено начать вооруженіе и обученіе армій—и опять вооруженіе и обученіе армій. Средства отнимались у образованія, у соціальнаго прогресса, у дѣловыхъ предпріятій, у искусства, ученыхъ изысканій, и отъ каждой возможности благополучія; жизнь была пріостановлена и омрачена. И немудрено, что результаты этого омраченія являются сейчасъ почти облегченіемъ и мы, наконецъ, получаемъ ужасное удовлетвореніе нашихъ тревогъ въ томъ, что въ грохотѣ и ужасахъ полей брани мы видимъ возможность установленія окончательнаго мира.

Потому что настоящая война — война ради мира.

Ея прямая, неуклонная цѣль—разоруже-

ніе. Она ищетъ такого установленія вещей, которое навсегда устранитъ возможность подобныхъ явленій. И каждый солдатъ, выступающій сейчасъ противъ Германіи— участникъ крестоваго похода противъ войны.

Эта, величайшая изъ войнъ,—не есть только одна изъ нихъ, она—послѣдняя.

Англія, Франція, Италія, Бельгія, Испанія и другія маленькія европейскія государства чувствуютъ къ ней глубокое отвращеніе. Русскій царь проявилъ къ войнѣ свою страстную ненависть. Большая часть Азіи—не воинственна; Соединенные Штаты не заблуждаются относительно войны. И еще никогда война не начиналась такъ безрадостно и съ такой непоколебимой рѣшимостью. Въ Англіи, Франціи, Бельгіи и Россіи сейчасъ не думаютъ о славѣ.

Мы знаемъ, что мы стоимъ лицомъ къ лицу съ небывалыми кровопролитіями и страданіями; мы знаемъ, что ни для одной

изъ сторонъ не будетъ ни легкихъ тріумфовъ, ни горделивыхъ побѣдъ. Уже среди этого воюющаго людского моря поднимаются голодъ, бойня, предстоятъ болѣзни.

Можетъ ли быть иначе?

Мы стали лицомъ къ лицу съ самой ужасной зимой, какую когда-либо видѣло человѣчество. Но мы, англичане, и наши союзники, не искавшіе этой катастрофы, мы встрѣчаемъ и переживаемъ ее скорѣе съ гнѣвомъ и рѣшимостью, чѣмъ съ отчаяніемъ.

Мы должны пройти черезъ эту войну, черезъ страданія, черезъ душевную агонію, которая ужаснѣе тѣлесной, черезъ море крови и грязи. Отъ насъ, англичанъ, не скрывали дѣйствительности. Мы знаемъ что̀ такое война; мы не обольщаемся. Мы читали книги, повѣдавшія намъ о зловоніи на поляхъ битвы, о ранахъ, тѣ книги, которыя Германія утаила отъ своего народа. И мы стоимъ лицомъ къ лицу съ этими

ужасами для того, чтобы положить имъ конецъ.

Не должно быть болѣе кайзеровъ и Круппов, мы такъ рѣшили. Конецъ этому безумію!

И не только одни воюющія сейчасъ государства должны прійти къ этому рѣшенію. Америка, Италія, Китай, Скандинавскія государства должны подать свой голосъ за окончательное переустройство и приложить руки къ окончательнымъ гарантіямъ. Я не подразумѣваю подъ этимъ, что имъ слѣдуетъ дать хоть одинъ выстрѣлъ, или зарядить хоть одно ружье. Но они должны вмѣшаться. И въ особенности надѣемся мы на роль Соединенныхъ Штатовъ, которую эти послѣдніе должны сыграть въ утвержденіи мира, изъ-за котораго теперь тысячи людей отдаютъ свою жизнь.

II.

Мечъ мира.

„Каждый мечъ, поднятый противъ Германіи,— мечъ обнаженный во имя мира“.

Европа воюетъ.

Чудовищное тщеславіе, порожденное легкими побѣдами 70 и 71 годовъ, вызвало міръ на поединокъ, и Германія готовится пожинать жатву, посѣянную Бисмаркомъ. Это—все попирающее, обольщенное безуміе, свившее себѣ гнѣздо въ самомъ сердцѣ Европы, которое задерживало ходъ цивилизаціи и омрачало надежды человѣчества въ теченіе сорока лѣтъ. Этотъ германскій имперіализмъ и германскій милитаризмъ,—нанесли свой неизбѣжный ударъ.

Побѣда Германіи будетъ обозначать возведеніе бога войны на вѣчный, несокруши-

мый тронъ и дастъ ему власть надъ всѣми человѣческими дѣяніями. Пораженіе Германіи откроетъ путь къ разоруженію и всеобщему миру. Для сторонниковъ мира въ настоящемъ конфликтѣ не можетъ быть другой надежды, кромѣ надежды на пораженіе и полное крушеніе германской легенды, на окончательную ликвидацію предразсудка крови и желѣза, Круппа, мотающихся флаговъ Тевтонскаго киплингизма [1]) и всего преступнаго постыднаго вліянія, сосредоточеннаго въ Берлинѣ. Не было еще болѣе справедливой войны, чѣмъ настоящая война противъ Германіи. Не было еще ни одного государства на всемъ свѣтѣ, которое бы такъ вопіяло о наказаніи. Но да будетъ памятно, что это споръ Европы съ Германской дипломатіей, а не съ германскимъ народомъ, споръ съ системой, а не

---

[1]) Извѣстный англійскій писатель Р. Киплингъ, наиболѣе яростный пѣвецъ англійскаго „имперіализма“.

съ расой. Прежнія традиціи Германіи сводятся къ миру и цивилизаціи. По характеру своему народныя массы Германіи добродушны, здравомыслящи, уживчивы. Пораженіе германской арміи, если оно не будетъ сопровождаться нанесеніемъ какой-либо незабываемой обиды, въ родѣ расчлененія германской имперіи, или проявленіемъ унизительной нетерпимости,—будетъ имѣть слѣдствіемъ возвращеніе одного изъ величайшихъ народовъ Европы къ братству западной націи. Роль Англіи въ этой ужасной борьбѣ ясна какъ день. Мы должны воевать. Если даже только изъ-за обиды, нанесенной Люксембургу,—но мы должны воевать. Если бы мы не воевали — Англія потеряла бы право гордиться собою. Мы окунулись бы въ грязь, отъ которой нельзя было бы омыться. И было бы совершенно непонятнымъ, если бы мы не участвовали въ этой войнѣ. Но по окончаніи ея, въ часъ побѣды, намъ предстоитъ спасти осво-

божденныхъ германцевъ отъ мстительнаго обхожденія, обезпечить за этимъ великимъ народомъ, соединеннымъ однимъ германскимъ государственнымъ языкомъ, право на его мѣсто подъ солнцемъ.

Я лично не сомнѣваюсь въ томъ, что Германія и Австрія обречены въ этой войнѣ на пораженіе. Пораженіе это, быть можетъ, будетъ не катастрофичнымъ, но во всякомъ случаѣ это будетъ пораженіемъ.

Они подняли и возбудили подавляющее смѣшеніе враговъ. Они плохо учли силы и мощь Франціи. Они ослѣплены плохими соціальными и военными традиціями. Въ дѣйствительности германецъ плохой солдатъ; онъ уважаетъ порядокъ и послушенъ, но не ловокъ и лишенъ быстраго соображенія; со времени его единственно-значительнаго военнаго подвига, не очень утомительнаго похода на Парижъ въ 1870—1871 годахъ,—условія современной войны совершенно измѣнились въ сторону подчи-

ненія воюющихъ массъ неинтеллигентныхъ людей быстрой инициативѣ отдѣльныхъ, болѣе способныхъ личностей. Съ другой стороны, со времени тѣхъ злополучныхъ побѣдъ Франція усвоила урокъ и смирилась; теперь она сосредоточенно подготовлена къ упорной борьбѣ; и спокойствіе ея—признакъ предшествующій изумительнымъ побѣдамъ. Въ воздухѣ, въ открытомъ полѣ, съ ружьями и машинами врядъ ли кто-нибудь ясно сознаетъ превосходство французовъ надъ нѣмцами. Это неожиданное нападеніе можетъ озадачить и смутить Францію на недѣлю, другую, хотя я сомнѣваюсь даже въ этомъ, но въ концѣ концовъ, я думаю, она устоитъ даже безъ нашей помощи, а вмѣстѣ съ нами,—я рѣшаюсь предположить, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, начиная съ настоящаго момента, ея трехцвѣтное знамя перейдетъ Рейнъ. Предположите даже, что ея передовая линія будетъ разбита первымъ натискомъ.

Даже и тогда я не вижу, какимъ образомъ германцы достигнутъ Парижа, или близлежащихъ мѣстъ.

Я не вижу, какимъ образомъ, принимая во вниманіе силу современной оборонительной тактики и жалящую мощь отступающаго, интеллигентнаго врага, которыя мы отчасти испытали въ Южной Африкѣ, можетъ быть повторенъ Седанъ. Съ другой стороны, отступающая германская армія будетъ значительно менѣе страшна, чѣмъ отступающая французская, потому что въ ней меньше отваги, потому что она составлена изъ солдатъ, обученныхъ подчиняться въ массѣ, ея интеллигентность сосредоточена въ ея аристократахъ-офицерахъ, и она впадаетъ въ уныніе, когда ея ряды размыкаются. Германская армія представляетъ изъ себя сейчасъ то, что сторонники обязательной воинской повинности мечтаютъ создать изъ нашего народа: она представляетъ собою армію, отставшую

отъ требованій современныхъ условій на двадцать лѣтъ.

На восточномъ фронтѣ благопріятный исходъ для нѣмцевъ еще болѣе сомнителенъ, благодаря неопредѣленности всего русскаго. Особенная военная мощь Россіи, мощь которую ей не удалось проявить въ Манчжуріи, заключается въ неисчерпаемыхъ запасахъ конницы. Прочный захватъ Пруссіи можетъ быть дѣломъ многихъ недѣль, но возможностей для набѣговъ на Восточную Пруссію очень много. Очень трудно предугадать, насколько наступленіе Россіи будетъ разумно руководимо, и насколько велики будутъ ея ошибки. Во всякомъ случаѣ Россіи придется дѣлать крупныя ошибки, прежде чѣмъ она приметъ оборонительное положеніе. Похоже на то, что русское нашествіе скорѣе угрожаетъ Берлину, чѣмъ нѣмецкое—Парижу. Въ то же время еще остается борьба на морѣ. Въ этомъ вопросѣ я жду нѣ-

скольких жестокихъ неожиданностей. Германія употребила много энергіи на сооруженіе флота, которую было бы гораздо разумнѣе употребить на укрѣпленіе своего положенія въ Европѣ. Возможно, что ея флотъ очень хорошъ и ея суда по качествамъ равны нашимъ.

Но тотъ же самый недостатокъ изобрѣтательности и творчества, который держитъ германца позади француза въ дѣлѣ воздухоплаванія — заставляетъ, забывая объ окружающихъ его неглубокихъ моряхъ, въ морскомъ дѣлѣ слѣдовать за нами, и если мы заблуждались, — а я думаю, что да, — въ оцѣнкѣ важности крупнаго военнаго судна, — германцы, по крайней мѣрѣ, любезно послѣдовали за нашей ошибкой. Самымъ надежнымъ и существеннымъ мѣстомъ для германскаго флота сейчасъ является Балтійское море. На этой сторонѣ Кильскаго канала, если я не переоцѣниваю силы гидроплана, для нѣмцевъ нѣтъ безопаснаго убѣжища.

Если нѣмецкій флотъ спрячется въ какой-либо портъ, послѣдній можетъ быть легко разрушенъ, и ихъ закупоренныя суда могутъ быть на досугѣ разрушены бомбами аэроплановъ. Такъ что, если онъ будетъ на этой сторонѣ Кильскаго канала— ему придется держаться въ открытомъ морѣ и воевать, если мы это допустимъ, до полнаго израсходованія ихъ угля.

Единстьеннымъ шансомъ для нихъ въ этомъ случаѣ можетъ быть война въ открытомъ морѣ. Они будутъ воевать съ неравными силами, имѣя въ перспективѣ свое разрушеніе, хотя мы, конечно, заплатимъ за эту побѣду судами и людьми. Въ Балтійскомъ же морѣ мы не сможемъ приблизиться къ нимъ безъ участія въ войнѣ Даніи и они могутъ значительно использовать свое пребываніе тамъ противъ Россіи. Но въ концѣ-концовъ даже тамъ мины, аэропланы и миноносцы сдѣлаютъ свое дѣло.

Такимъ образомъ я предполагаю, что Германія будетъ прижата и съ востока и съ запада, и флотъ ея будетъ фактически уничтоженъ. Намъ предстоитъ также очистить море отъ ея коммерческаго флота и навсегда спустить ея флагъ въ Африкѣ, Азіи и Тихомъ океанѣ. Мнѣ кажется, всѣ вѣроятности сводятся къ этому. Нѣтъ основаній для Италіи не держаться ея настоящаго нейтралитета; существуетъ также значительная возможность вмѣшательства Даніи и Японіи, какъ только онѣ убѣдятся въ неудачѣ перваго сильнаго натиска со стороны Германіи. Всѣ эти возможности будутъ болѣе или менѣе значительно опредѣлены въ теченіе ближайшихъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Къ тому времени, я надѣюсь, германскій имперіализмъ будетъ разрушенъ до основанія, и тогда возможно будетъ предвкусить конецъ фазы вооруженія въ исторіи Европы. Въ настоящее время Франція, Италія, Англія и болѣе

мелкія европейскія государства—миролюбивы; Россія, послѣ этой огромной войны, будетъ слишкомъ истощена для дальнѣйшихъ военныхъ авантюръ, разбитая Германія будетъ уже революціонной, съ тѣмъ же отвращеніемъ къ мундирамъ и идеѣ имперіализма, какая появилась у Франціи въ 1871 г. и съ тѣмъ же разочарованіемъ въ возможность господства, какое мы видимъ сейчасъ въ Болгаріи. Путь къ организованному миру для всѣхъ западныхъ государствъ будетъ открытъ. Вотъ почему я, выражая свое отвращеніе къ войнѣ, не подписалъ ни одного изъ тѣхъ «пасифистскихъ», анти-военныхъ воззваній, которыя появились въ послѣдніе дни. Каждый мечъ, поднятый сейчасъ противъ Германіи,—мечъ, обнаженный во имя мира.

III.

Руки прочь отъ народной пищи!

Это—статья, пострадавшая отъ войны, выздоравливающая статья.

Характерно для услужливой обходительности настоящаго времени, что, будучи присужденной къ смерти въ субботу вечеромъ, статья эта, подвергшись легкой перевязкѣ, была въ состояніи опять появиться въ дѣйствующей арміи въ четвергъ утромъ. Она была написана поздно ночью, въ пятницу, въ настроеніи справедливаго возмущенія и показалась мнѣ очень неудовлетворительной. Я не могъ уснуть отъ сознанія этой неудовлетворительности, тѣмъ болѣе, что я такъ горячо хотѣлъ создать ее яркой и убѣдительной. Около двухъ часовъ утра я всталъ съ постели, набросалъ

ее заново и на слѣдующее утро написалъ ее по другому, очень тщательно и, какъ я думаю, къ лучшему. Къ вечеру она потеряла весь свой смыслъ, такъ какъ я узналъ, что г. Ренсиманъ предвосхитилъ ея основную идею. Онъ внесъ въ Палату Общинъ и провелъ черезъ всѣ стадіи билль объ уполномоченіи министерства торговли на реквизицію и распоряженіе складами провизіи. Это и было задачей моей статьи. Такимъ образомъ, статья моя, уже приговоренная къ смерти, привѣтствовала быстроту и рѣшительность нашего правительства. Тогда я замѣтилъ, что осталось много недоговореннаго по поводу реквизиціи провизіи. Министерство торговли, правда получило особыя полномочія, но, очевидно, ихъ еще нужно примѣнить на дѣлѣ. Очень желательно, чтобы общественное мнѣніе со своей стороны, поддерживало и наблюдало бы за ускореніемъ примѣненія этихъ полномочій и чтобы они были немедленно

примѣнены тамъ, гдѣ больше всего въ нихъ ощущается потребность. Эти полномочія, такъ быстро обозначенныя г. Ренсиманомъ министерству торговли, должны быть пущены въ ходъ; необходимо быстрое развитіе мѣстныхъ комитетовъ для выполненія задуманнаго. Ошибки и промахи продолжаются. Простой народъ, безъ всякаго ропота посылающій свою молодежь на передовыя позиціи, долженъ быть немедленно обезпеченъ отъ тяжелыхъ притѣсненій, которыя причиняетъ имъ небольшая, но активно-вредная часть состоятельныхъ классовъ. Это—ихъ право и отнюдь не призывъ къ благотворительности. Было бы смѣшнымъ относиться къ этой задачѣ какъ-нибудь иначе. До сихъ поръ бѣднѣйшее населеніе Англіи выказало въ наступившемъ кризисѣ изумительное и примѣрное терпѣніе, смиреніе и мужество, позволяющее имъ гордиться своей національностью. Для каждаго, кто наблюдаетъ нынѣшнее вздо-

рожаніе цѣнъ на предметы первой необходимости и знаетъ что-нибудь о бѣднѣйшихъ семьяхъ или по личному опыту, или изъ знакомства съ такими изслѣдованіями, каковъ трудъ г-жи Пемберъ Ривсъ о домашнемъ бюджетѣ нуждающихся классовъ, — должно быть ясно, что рядовые этого класса наряду съ потерей заработка должны будутъ также испытывать и недостатокъ въ пищѣ. И теперь уже они переносятъ напрасныя лишенія и притѣсненія. И не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ причинѣ ихъ страданій. Она заключается въ томъ, что самонадѣянная часть обезпеченныхъ классовъ, часть наиболѣе откормленная и менѣе всего воодушевленная патріотизмомъ изъ всѣхъ слоевъ общества, расхватала провизію; она поддалась постыдной паникѣ, потеряла голову, бросилась на магазины и показала себя дискредитирующимъ исключеніемъ въ великолѣпномъ зрѣлищѣ нашей національной солидарности.

Въ то время, когда вниманіе всего порядочнаго общества сосредоточилось на приготовленіи къ удару, направляемому на прусское господство въ Европѣ, эта сытая буржуазія толпилась въ магазинахъ, скупая пищу народа, увозя ее въ семейныхъ автомобиляхъ, украшенныхъ, конечно, развивающимися національными флагами. Отецъ пожертвовалъ однимъ дѣловымъ днемъ, мать помогала, и даже напомаженные франты-сыновья соблаговолили оказать свое содѣйствіе. Такимъ образомъ, чувствуя себя болѣе или менѣе внѣ опасности, буржуазія, готовая неистовствовать отъ восторга при побѣдахъ, вмѣстѣ со своимъ обѣденнымъ гонгомъ, музыкальными инструментами, сдѣлала все возможное, чтобы опошлить ихъ. Эта буржуазія, самодовольная, добившаяся роскоши и знатности, нажившая милліоны, стоящая уже на пути къ покупкѣ титула, подписывающая свои тысяче-фунтовые чеки на показномъ

подписномъ листѣ, осталась вѣрной самой себѣ. Лордъ Маффикъ, соперничая съ мистеромъ и мистриссъ Маффикъ, совершенно очистилъ отъ муки окружающія его имѣнія и лавки. Пусть это явленіе будетъ занесено въ исторію. Теперь лордъ Маффикъ объясняетъ намъ, что онъ скупилъ муку для распредѣленія между бѣднѣйшими сосѣдями—это теперь будетъ постояннымъ оправданіемъ для подобныхъ господъ, но такая цѣль покупки такъ же плоха для цѣнъ на муку, какъ если бы эта мука покупалась для личныхъ потребностей лорда Маффика. Чѣмъ скорѣе мука эта будетъ вынесена изъ дома мистера Горація Маффика, молодого Маффика и прочихъ изъ нихъ и перенесена въ дома ихъ бѣднѣйшихъ сосѣдей,—тѣмъ лучше будетъ для нихъ и для страны. Величайшая опасность для Англіи въ настоящее время—не въ Германской арміи и не въ ея флотѣ, но въ моральномъ разложеніи этой части нашего общества.

Сейчасъ безполезно бранить этихъ людей, безполезно взывать къ ихъ чести и патріотизму. Чести у нихъ нѣтъ, и ихъ понятіе о патріотизмѣ сводится къ «обложенію налогомъ иностранцевъ», размахиванію національными флагами и требованію примѣненія въ Англіи всеобщей обязательной воинской повинности, приводящей прямо къ тѣмъ массовымъ избіеніямъ простыхъ солдатъ, которыя уже начались въ германской дѣйствующей арміи. Увѣщанія могутъ повліять на девяносто девять, но одинъ негодяй среди ста порядочныхъ— испортитъ все. Первое, что надо сейчасъ дѣлать, это приняться за работу въ каждой мѣстности, визируя всѣ частные склады провизіи или золотой монеты,— разсчетъ можно произвести послѣ войны,— и не только частные склады захватчиковъ провизіи, но таковые и оптовыхъ торговцевъ—спекулянтовъ, взвинтившихъ цѣны для розничной торговли.

Только такимъ образомъ можно обуздать операціи этого невыносимаго меньшинства. При каждомъ графскомъ совѣтѣ по вопросу о пищѣ должны быть организованы комиссіи для донесенія о нуждахъ массы населенія, и произведены разслѣдованія относительно скрытыхъ запасовъ, малыхъ и большихъ.

Это и есть та общественная работа, которая должна быть произведена тщательно и осторожно. Распредѣленіе провизіи въ Англіи частью находится въ вѣдѣніи синдикатовъ и частью еще въ рукахъ мѣстныхъ торговцевъ. Необходимо освѣтить со всѣхъ сторонъ операціи и тѣхъ и другихъ Крупныя фирмы находятся въ вѣдѣніи. лицъ, чье матеріальное преуспѣваніе заслужило выраженіе милости и довѣрія со стороны нашихъ правителей, Такъ, напр., лордъ Девнпортъ *) получилъ званіе пэра,

*) Крупнѣйшій оптовикъ молочныхъ продуктовъ.

Сэръ Томасъ Липтонъ *) титулъ «сэра»; на нихъ уже надо смотрѣть не какъ на простыхъ частныхъ торговцевъ, но какъ на людей, удостоенныхъ присоединенія къ іерархіи нашей національной жизни, заслуженнаго ими благородной ихъ дѣятельностью въ общественной работѣ по снабженію населенія пищей. Въ ихъ quasi-общественныхъ обязанностяхъ это даетъ имъ возможность получить поддержку нашего вниманія.

Примѣняютъ ли они свои огромныя экономическія преимущества для поддержанія цѣнъ на разумной высотѣ, или эти разнообразныя системы синдикатовъ провизіонныхъ магазиновъ тоже взвинчиваютъ цѣны потребителя? При содѣйствіи владѣльцевъ этихъ магазиновъ возможенъ лучшій контроль цѣнъ вездѣ, исключая отдаленныхъ деревень. Но дѣлается ли это?

*) Владѣлецъ одной изъ крупнѣйшихъ чайныхъ фирмъ.

Никому сейчасъ не хочется видѣть имена лорда Девнпорта, сэра Томаса Липтона и другихъ подобныхъ лицъ, имѣющихъ касательства къ дѣлу снабженія населенія провизіей, на королевскихъ подписныхъ листахъ, въ пользу жертвъ войны. Поле ихъ полезной дѣятельности сейчасъ гораздо ближе. Мы всѣ хотимъ одного—чувствовать, что они отдали всѣ средства на эту общественную работу въ дѣлѣ питанія, въ которомъ они играютъ такую важную роль. Да будетъ мнѣ позволено сказать, что я имѣю много основаній вѣрить въ это и что они отзываются на отвѣтственность, возлагаемую на нихъ ихъ положеніемъ.

Но мы должны освѣщать со всѣхъ сторонъ ихъ дѣятельность, какъ и таковую менѣе почтенныхъ и болѣе подозрительныхъ торговцевъ. Они играютъ такую же важную и существенную роль, — конечно, они призваны къ роли самопожертвованія и мужества—какъ и каждый генералъ въ дѣйствующей арміи.

Если они не оправдаютъ нашихъ надеждъ, это будетъ хуже потери многихъ тысячъ людей на полѣ битвы. Будемъ наблюдать за ними, и, я думаю, это наблюденье вызоветъ въ насъ лишь восхищенье. Но будемъ наблюдать. Будемъ доносить о всѣхъ ихъ движеніяхъ, просить ихъ успокоить насъ, отмѣчать ихъ визиты въ министерство торговли.

Я не стану распространяться о возможномъ героизмѣ оптовыхъ торговцевъ. Я только мелькомъ представляю себѣ картину, какъ лордъ Девнпортъ или сэръ Томасъ Липтонъ послѣ войны, разоренные, но прославленные будутъ жить въ какомъ нибудь маленькомъ коттэджѣ. «Я вернулъ народу въ часъ его нужды то, что добылъ отъ него въ часъ его достатка», сказали бы они.

«Я страдалъ, чтобы не страдали тысячи. Это ничего. Только вспомните о юношахъ, погибшихъ въ Бельгіи».

По всѣмъ извѣстіямъ—поведеніе маленькихъ одиночныхъ торговцевъ провизіей было очень хорошо. Въ моемъ маленькомъ городкѣ Денмоу я знаю двухъ мелкихъ торговцевъ, которые осмѣлились обидѣть важныхъ покупателей, скорѣе чѣмъ выполнить ихъ заказы во время начавшейся паники. Они заслуживаютъ медалей. Въ болѣе бѣдныхъ округахъ много такихъ людей давали въ кредитъ, оказывая всякія послабленія, облегченія, но все время подвергаясь ужасному риску.

Не всѣ герои войны находятся сейчасъ на полѣ брани, нѣкоторые изъ нихъ доблестно воюютъ за нашу страну, стоя за прилавкомъ колоніальныхъ магазиновъ и въ деревенскихъ общихъ лавкахъ. Они тоже могутъ кончить свои дѣла если не въ братской могилѣ, то въ судѣ по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ, Я знаю, что оптовые торговцы во многихъ случаяхъ измѣнили имъ не только тѣмъ, что повы-

сили цѣны, но и внезапнымъ прекращеніемъ кредита; послѣдняя недѣля была свидѣтельницей многихъ печальныхъ ночей и безсонныхъ тревогъ въ маленькихъ спальняхъ за мелочными лавочками.

Въ то время какъ мы ждемъ отъ синдиката колоніальныхъ магазиновъ выполненія своего долга, намъ не менѣе важно не допустить уничтоженія мелкихъ торговцевъ. Катастрофа, которая постигла бы ихъ въ настоящее время не только обременитъ общественную благотворительность большинствомъ разоренныхъ людей, но вызоветъ большой недочетъ въ обыкновенныхъ мелочныхъ лавочкахъ на отдаленныхъ улицахъ и въ деревенскихъ сбереженіяхъ, что можетъ быть очень не скоро исправлено.

Такимъ образомъ, я предполагаю, что реквизированные склады перекупщиковъ—оптовиковъ (большая часть этого матеріала должна быть уже въ рукахъ властей) долж-

ны быть распроданы отдѣльнымъ торговцамъ по оптовымъ цѣнамъ, а не непосредственно публикѣ. И только въ случаѣ отдѣльныхъ злоупотребленій должна быть принята послѣдняя мѣра. Нужно помнить, что горячность, съ которой сейчасъ подняли вопросъ о пищѣ — искусственный пылъ эгоистической легкомысленной обезпеченной части общества и нѣкоторыхъ плутоватыхъ торговцевъ.

При тяжелыхъ же неопредѣленныхъ условіяхъ настоящаго времени цѣлый рядъ людей можетъ вызвать панику и произвести непреодолимое давленіе.

То большинство, которое накопило и скупило провизію, сдѣлало это даже неохотно, потому, что «это дѣлаютъ другіе». Они бы привѣтствовали всякую мѣру, принятую властями, которая дала бы имъ возможность вернуть отнятое безъ опасенія, что ктолибо другой сейчасъ же захватитъ и воспользуется тѣмъ, что они уступили. Вотъ

почему мы должны немедленно организовать распредѣленіе и реквизицію сбереженій и запасовъ провизіи. Вѣроятно, простая угроза сможетъ облегчить положеніе, но при необходимости надо быть готовыми въ любую минуту забрать, продать и распредѣлить всѣ имѣющіеся запасы.

Пока это не будетъ сдѣлано — пищевой кризисъ будетъ расти и падать, но не окончится, и если мы быстро и тщательно не выполнимъ указаній Ренсимана—тревоги кризиса превратятся въ перемежающуюся изнурительную лихорадку, которя не прекратится до окончанія войны. Терпѣніе, проявленное низшимъ классомъ было удивительнымъ. Въ безчисленныхъ домахъ безпокойство и нужда были очень сильны.

Но за исключеніемъ немногихъ обычныхъ выходокъ, каково было битье витринъ въ магазинѣ Мосса въ Хитчинѣ, который самъ-то врядъ ли былъ виноватъ, или нападеній кое-гдѣ на хлѣбныя лавки, демон-

страцій и угрозъ со стороны Истэндскихъ евреевъ,—безпорядковъ не было. Причина этому та, что народъ полонъ сознанія важности войны, пылкой вѣры и пока еще хорошо питается.

Но потомъ если болѣе обезпеченные классы не подтянутся—это будетъ уже не такъ.

О Максимиліанѣ Крафтѣ.

Въ этой войнѣ противъ прусскаго милитаризма, я чувствую себя восторженно настроеннымъ. Я вѣрю, что мы присутствуемъ при концѣ огромнаго, невыносимаго давленія на цивилизацію. Мы воюемъ за освобожденіе Германіи и всего свѣта отъ того предразсудка, что безчеловѣчность и цинизмъ могутъ быть средствомъ преуспѣянія, что имперіализмъ лучше свободной гражданственности, и что рекрутъ, какъ солдатъ, лучше свободныхъ людей. И я

наблюдаю другого писателя, также объявившаго себя британскимъ патріотомъ, и, конечно, усиленно размахивающаго національнымъ флагомъ, отъ чего моя природная скромность отступаетъ, потому что я полу-англичанинъ, полу-ирландецъ, и исключая креста св. Андрея,—флагъ этотъ мой. И размахивать имъ тамъ и сямъ, я думаю, было бы только вульгарнымъ самоутвержденіемъ. Однако онъ — не англичанинъ. Онъ присваиваетъ себѣ различныя имена; нѣкоторыя изъ нихъ весьма симпатичныя, старыя англійскія имена. Любимѣйшее же его имя—Крафтъ, Максимиліанъ Крафтъ, и насколько мнѣ извѣстно, онъ прирожденный Крафтъ *). Онъ суется въ дѣла нашей страны съ необыкновенной энергіей и старается выхватить у меня національный флагъ такъ, какъ будто св. Георгій ему

*) Игра словъ: Kraft по нѣмецки—сила, мощь; энглизированная же фамилія этого (конечно, вымышленно) лица, пишется Craft.

отецъ. Сейчасъ онъ очень настоятельно даетъ совѣты, какъ вести эту войну, указывая мнѣ на необходимый въ этомъ случаѣ образъ мыслей. На самомъ же дѣлѣ онъ представляетъ собою англійскій эквивалентъ тѣхъ профессоровъ Welt Politik'и, которые довели германскую мысль до обнаруженія настоящаго постыднаго тріумфа ихъ политической дипломатіи. Я подозрѣваю его отдаленное родство съ профессоромъ Дальбрукъ. Въ настоящее время онъ навязываетъ нашему вниманію великолѣпный coup, разсмотрѣніемъ котораго я хочу вкратцѣ заняться.

Наружности своей Крафтъ окончательно не англизировалъ. У него широкое лицо съ непомѣрно длинными чертами, пушистые волосы; коренастый, слегка горбится и слегка картавитъ: манеры или дерзконадменны или назойливо-фамильярны. Всѣхъ прирожденныхъ англичанъ, въ отличіе отъ натурализованныхъ, онъ считаетъ приро-

жденными глупцами. И всѣ его манеры всегда проникнуты тонкимъ ароматомъ удивленія передъ прирожденной глупостью прирожденныхъ англичанъ. Однако, онъ считаетъ, что ихъ имперія весьма благопріятный матеріалъ, которымъ могутъ воспользоваться тѣ, кто поумнѣе. Такимъ образомъ, воодушевленный безкорыстной энергіей, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы воспитать англичанъ какъ имперіалистовъ, указать имъ, какъ замѣнить счастье—искусствомъ лукавства затмѣвая другіе народы, все болѣе и болѣе преисполняясь чванства. Онъ не можетъ понять, что идеалы подобнаго честолюбія не разогрѣютъ англійской крови. Если же онъ имѣетъ средства, онъ подчеркнетъ это золотой часовой цѣпочкой, запонками и кольцами съ печатью; если онъ женатъ—жена его будетъ сверкать бриллiантами; обстановка его квартиры будетъ «приличной», тщательно отдѣланныхъ комнатъ будетъ множество; онъ считаетъ, что

только глупость или умственное убожество принебрегаютъ этими вещами. Такимъ образомъ онъ пріѣхалъ въ Англію съ цѣлью преподать намъ искусство имперіи, когда онъ убѣдился, въ избыткѣ подобной мудрости въ университетахъ Германіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ до настоящаго взрыва я слѣдилъ за его карьерой, скорѣе съ молчаливымъ интересомъ, чѣмъ съ чувсвомъ расположенія. И я помню, что первымъ его урокомъ намъ было: «Реформа Тарифа» и «налоги на иностранцевъ». Вы получаете несчетныя богатства и ничего не платите. Вы получаете огромный національный доходъ отъ вывозимыхъ товаровъ и такъ какъ вашъ тарифъ не допускаетъ ввоза—вы развиваете огромную внутреннюю промышленность, двухъ птицъ (въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ) вы убиваете однимъ камнемъ. И это кажется ему только здравымъ смысломъ. Какъ бы то ни было, но онъ увѣ-

ренъ, что этого было бы достаточно для прирожденныхъ англичанъ. Да сихъ поръ еще онъ относится недовѣрчиво къ нашему отказу принять столь прекрасную идею. Въ то же время другіе, ему подобные, окончательно завладѣли болѣе послушными умами Германіи. Они прислушивались къ нашептыванію Welt Politik'a или по крайней мѣрѣ, прислушивались ихъ правители, они сѣяли раздраженіе на каждой границѣ, они притѣсняли, продолжая свои успѣшныя наступательныя дѣйствія. Они были тѣми способными учениками, которымъ долженъ былъ бы преподавать Крафтъ. И Крафтъ слезно упрашивалъ насъ отмѣтить этотъ успѣшный прогрессъ народа, бывшаго когда-то добрымъ, цивилизованнымъ народомъ философовъ. И безъ сомнѣнія, намъ приходилось принимать это къ свѣдѣнію, чистить наше оружіе и съ чувствомъ все болѣе усиливающаго протеста все болѣе и болѣе во-

оружаться, и держать нашъ порохъ сухимъ, въ то время, когда мы скорѣе должны бы заняться другими вещами. Но, что удивительно, такъ это то, что мы не хотѣли слушать его подстрекательствъ относительно всеобщей воинской повинности. Крафтъ и ему подобные вѣрятъ въ числа. Даже бурская война не могла стряхнуть съ него его природной способности къ политической ариѳметикѣ. Онъ старался изложить намъ положеніе вещей съ помощью діаграммъ, показывая намъ огромныя фигуры колоссальныхъ солдатъ, изображающихъ силу Германіи и тощихъ маленькихъ британцевъ, меньше фигуръ болгарской и сербской арміи. Ему трудно допустить, что на полѣ битвы можетъ быть слишкомъ много солдатъ и что можно имѣть слишкомъ много денегъ. Поэтому онъ считаетъ, что русская армія «должна» быть могущественнѣе французской. Когда я отрицаю это превосходство — онъ просто отмѣчаетъ тотъ

фактъ, что я не способенъ считать. Когда же онъ доходитъ до схемъ веденія войны, тогда нѣчто вродѣ изступленія лукавства нисходитъ на Крафта. Его мысль полна той изобрѣтательности, на которую мы, бѣдные глупцы, не способны: внезапныя атаки безъ объявленія войны, обширныя схемы системы шпіонажа и политическихъ убійствъ, устрашеніе странъ мирныхъ жителей, посредствомъ массоваго разстрѣла, нарушенія нейтралитетовъ, національной измѣны, подлога телеграммъ и писемъ, дипломатической лжи, усовершенствованной міровой организаціи сверхпредателей.

Нашъ бѣдный кузенъ Михель—нѣмецъ—внималъ подобной мудрости, но очень смиренно. Бѣдняга Михель, съ его честными голубыми глазами, зажженными удивленіемъ, старался сдѣлать все возможное, чтобы стать «злымъ» и шелъ туда, куда родственный Крафту—Бернарди, военный «экспертъ» велъ его (но пока онъ привелъ

его только ко рвамъ Льежа, Арденнскимъ проходамъ, къ голоду, грязи и крови). И съ безконечною завистью подсматривалъ Крафтъ за изолгавшимся Берлиномъ, мѣстопребываніемъ сверхчеловѣка. Welt Politik. Онъ говорилъ, писалъ, просилъ насъ дѣйствовать такъ же — напасть внезапно на германскій флотъ еще до объявленія войны, нарушить нейтралитетъ Даніи, оккупировать Голландію, сдѣлать что-нибудь позорное и безчестное для націи; ежедневно неистовствовалъ онъ и возмущался нашей щепетильностью. По временамъ мы казались ему болѣе похожими на сборище Вудроу Вильсоновъ, чѣмъ на здравомыслящихъ людей.

Онъ и по-сейчасъ гнетъ эту линію.

Только нѣсколько дней тому назадъ я развернулъ газету, которая, наконецъ, натолкнула меня на обнародованіе настоящей статьи. Это была ежедневная англійская газета, гдѣ Крафтъ говорилъ намъ,

какъ всегда и съ обычнымъ безнадежнымъ сожалѣніемъ о нашей глупости, о томъ какъ надо вести войну. Вотъ что говорилъ онъ: мы должны заставить Германію сдаться голодомъ, не соображая, что съ ея перегруженными желѣзными дорогами, съ ея опустошенными хлѣбными полями; Германія сможетъ сама уморить себя съ голоду,—и что если мы не предупредимъ этого, провизія можетъ быть доставлена въ Германію черезъ Голландію и Италію. Такимъ образомъ онъ хочетъ заставить насъ сразу начать враждебную блокаду Голландіи и Италіи, или, быть можетъ, послать этимъ невиннымъ и дружественнымъ намъ странамъ свой ультиматумъ. Онъ хочетъ, чтобы это было сдѣлано сейчасъ же, потому что иначе Берлинскіе Крафты, какіе нибудь Дельбруки или Бернарди или отличный юный государственный мужъ Кронпринцъ могутъ уговорить пруссаковъ первыми послать имъ ультиматумъ. И

тогда мы не имѣли бы никакого шанса ни на какое идіотское дѣяніе, за исключеніемъ развѣ захвата порта въ Норвегіи!

Пусть же мы, англичане, выяснимъ разъ на всегда всѣмъ Крафтамъ и другимъ добрымъ патріотамъ джентльменамъ изъ-за границы, указывающимъ намъ на «артистическіе» пріемы,—что такого рода пріемы - не наши. Мы приступили съ чистыми руками къ войнѣ противъ господства безчеловѣчія и искуснаго интернаціонализма съ цѣлью разъ навсегда покончить съ ними. Съ тяжелымъ сердцемъ смотримъ мы на эту задачу, но намѣреніе наше безповоротно. Мы намѣрены побѣдить. Съ тяжелымъ сердцемъ смотримъ мы на эту задачу,—но намѣренія наши безповоротны. Мы готовы ко всякимъ бѣдствіямъ и невыносимымъ страданіямъ, къ банкротству, голоду, ко всему, кромѣ пораженія. Теперь, когда мы уже начали воевать—мы будемъ воевать, если надо, пока дѣти не

будутъ умирать отъ голода, мы будемъ воевать, хотя бы каждое наше судно было на днѣ моря. Мы намѣрены довести эту войну до ея полнаго завершенія и это завершеніе, какъ мы твердо рѣшили— должно быть концомъ Крафтизма. Мы выйдемъ изъ этой войны съ такими же чистыми руками, каковы онѣ сейчасъ, не запятнанными никакими грязными продѣлками на полѣ битвы или въ залѣ совѣта, уважая нейтралитеты, выполняя договоры. Тогда мы разсчитаемся разъ на всегда съ Крафтомъ, его друзьями и сторонниками, этими частными торговцами оружіемъ, со всѣмъ этимъ чудовищнымъ, глупымъ племенемъ негодяевъ, принесшихъ въ міръ эту ужасную катастрофу.

Я говорю все это отъ своего имени и отъ имени тысячъ безмолствующихъ простыхъ людей, потому что чѣмъ скорѣе Крафтъ увидитъ, какъ смотримъ мы на это дѣло, тѣмъ будетъ лучше для него.

Временами онъ высказываетъ замѣчательное убѣжденіе, что при окончательномъ расчетѣ онъ станетъ для насъ неоцѣнимымъ. Онъ знаетъ, что конекъ его въ дипломатіи. И тогда, молъ, найдетъ себѣ примѣненіе его картавое нашептываніе, какъ и его свѣдущее нахальство. Кончите борьбу и представьте все остальное ему. Онъ совершенно не можетъ понять молчаливой рѣшимости нашихъ улицъ. Никогда еще въ Англіи не было меньше криковъ и демонстрацій и никогда еще намѣренія ея не были такъ стойко—тверды. Настоящая война не закончится дипломатіей, она намѣрена прикончить ее самое. Она совершенно отлична отъ какихъ бы то ни было предшествовавшихъ войнъ. По окончаніи ея не будетъ Европейской конференціи, по старымъ традиціямъ, а будетъ міровая конференція. И это будетъ конференція, надъ которой Крафтъ будетъ хохотать. Онъ будетъ бѣ-

гать кругомъ, приставая ко всѣмъ относительно нея, почти плюя всѣмъ въ лицо, своими усердными насмѣшливыми нашептываніями. Но она поведетъ свои дѣла съ обличительной гласностью и сознательной простотой. Она окажется хуже, чѣмъ самъ Вудроу Вильсонъ. И она заключитъ миръ, который навсегда положитъ конецъ Крафту, геніальности Крафта и Крафтизму, и частнымъ фирмамъ вооруженія, стоящимъ за нимъ.

При этомъ я представляю себѣ голову Крафта, ушедшую въ плечи, его большія, выходящія оттуда руки вродѣ крыльевъ херувима.

«Англичане! Либералы! Глупцы! Неизлечимые! Какъ можно такъ поступать! Не такъ это дѣлается.

Такъ будетъ сдѣлано, если міръ достоинъ существовать послѣ войны.

Когда мы воюемъ съ Берлиномъ, Крафтъ, мы воюемъ и съ вами. И вамъ рѣшительный конецъ. Да.

V.

Важнѣйшія мѣры.

Въ настоящемъ крушеніи имперій и дипломатіи, окончательномъ провалѣ интернаціональной политики, тѣ вещи, которыя показались бы нѣсколько недѣль тому назадъ до смѣшного утопичными, стали внезапно разумными и практичными. Одна изъ нихъ, показавшаяся бы фантастичною до настоящаго момента, когда мы тягаемся съ Германіей, и которая не можетъ быть разсматриваема, какъ трезвая дѣйствительность,—есть полное повсемѣстное уничтоженіе производства оружія для частныхъ выгодъ. Что бы не говорилось о практичности всеобщаго разоруженія—все же не можетъ быть спора не только о желательности, но и о настоятельной не-

обходимости прикончить навсегда возможность частной выгоды, извлекаемой изъ фабрикаціи орудій смерти. Вотъ гдѣ дѣйствительный врагъ. Это и есть то зло, которое причиняетъ настоящее бѣдствіе. Въ самомъ корнѣ этого зла, охватившаго міръ, лежитъ круппизмъ, эта грязная торговля орудіями смерти. Это самая сплоченная, самая исполинская организація на всемъ свѣтѣ. Не разъ это ужасное предпріятіе съ его закупленными газетами, вознаграждаемыми шпіонами, его агентами, акціонерами и безумными сторонниками, его огромными развѣтвленіями, тайными соучастниками разбивало всякія попытки установить прочный миръ; оно нагромождало все выше и выше груду взрывчатаго матеріала, груду, которая, наконецъ, свалилась въ кровавую лужу въ Бельгіи, гдѣ жизни четырехъ великихъ націй уничтожаются, терзаются, бьются, погибая безъ счета. Я не смѣю описывать этого,—

думая о тѣхъ, кто можетъ прочесть мои строки.

Пока держался еще шаткій міръ, пока тщеславія германскаго императора и Круппа сходились съ тщеславіемъ Пруссіи, только угрожая миру, но не нападая на него, пока еще хоть кто-нибудь могъ мечтать объ отдаленіи катастрофы и спасеніи жизней, — было невозможно довести это дѣло до конца. Тогда еще можно было разсуждать о томъ, что подготовленность къ войнѣ могла служить гарантіей мира. Но теперь у каждаго открылись глаза. Война пришла. Нѣмецкая бомба разорвалась, гнусный грабежъ превратился въ жестокое кровопролитіе. Вся Европа въ возмущеніи противъ этой злостной системы. Сейчасъ нѣтъ возврата къ миру; наши воины должны гибнуть грудами, тысячами, мы не можемъ обольщаться мечтами о легкихъ побѣдахъ; всѣ мы должны переносить безконечныя лишенія и заботы; едва

ли можетъ сейчасъ существовать какое нибудь дѣло, которое не было бы искажено и омрачено этой войной. И изо всего этого можетъ быть сдѣланъ только одинъ всеобщій выводъ: беззаконіе должно быть вырвано съ корнями. Какія бы еще безразсудства ни ожидали человѣчество впереди, по крайней мѣрѣ хоть это безразсудство должно быть кончено. Не должно, быть болѣе покупки и продажи ружей, военныхъ судовъ и военныхъ орудій. Не должно быть выгоды отъ оружія. Короли и кайзеры должны перестать представлять изъ себя комми-вояжеровъ чудовищныхъ коммерческихъ предпріятій вооруженія. Съ Гебеномъ кайзеръ совершилъ свою послѣднюю продажу. Какія бы вооруженія для націй ни понадобились, они должны быть сфабрикованы только самими государствами и розданы только ихъ подданнымъ. Внѣ этого не должно быть выработки оружія на землѣ.

Это говоритъ яснѣйшій здравый смыслъ. Мнѣ нѣтъ нужды разсуждать о томъ, что очевидно, что извѣстно каждому германцу и каждому образованному, интеллигентному человѣку на свѣтѣ. Торговое предпріятіе Круппа и комедіантскій имперіализмъ Берлина связаны между собою такъ, какъ бываютъ связаны воръ и укрыватель; руки германскихъ принцевъ запачканы торгашествомъ. И каждая дипломатія, каждое королевское достоинство, приблизившись и прикоснувшись къ этой громадной фирмѣ, запятнали себя; но самое гнѣздо этого разложенія — въ Берлинѣ и только изъ Берлина шло давленіе, вызывающее принудительное вооруженіе, и только въ одномъ Берлинѣ зло это можетъ быть захвачено и убито. Но до сихъ поръ не было возможности достигнуть этого. Было даже безполезно мечтать о разоруженіи, пока эти люди могли еще продолжать безконтрольную выработку мате-

ріала, выжидая момента народной вспышки, питая народную мысль страхами и подозрѣніями посредствомъ субсидированной прессы. Но сейчасъ міровая мысль проясняется. Нѣтъ больше страховъ; вреднѣйшее зло приходитъ къ концу. Безобразная ненависть и ложныя представленія вооруженнаго мира уже уступаютъ мѣсто взаимному уваженію, состраданію и разочарованіямъ во всемірно - разрушительной войнѣ. Наконецъ мы можемъ начать повсемѣстную борьбу съ Круппами и подобными фирмами, борьбу съ одной общей опасностью, однимъ громаднымъ зломъ, къ которому можно приблизиться. Внѣ круга воюющихъ странъ, и странъ, которыя, какъ Данія, Италія, Румынія, Швеція и Норвегія, должны быть приглашены къ участію въ окончательномъ переустройствѣ міровыхъ установленій, есть только три системы державъ, съ которыми надо считаться въ этомъ дѣлѣ,—а именно Ре-

спублики Сѣверной и Южной Америки и Китая. Ни одна изъ этихъ державъ не вовлечена въ сильной степени въ торговлю вооруженіемъ, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ большія основанія презирать ту систему, которая связала торговлю вооруженіемъ съ каждымъ займомъ. Соединенные Американскіе Штаты представляютъ сейчасъ болѣе, чѣмъ когда либо, авто-милитаристическую державу, и можно не преувеличивая сказать, что правительство Соединенныхъ Штатовъ держитъ въ своихъ рукахъ власть допустить или недопустить эту безотлагательную необходимость для всего человѣчества. Если населеніе Соединенныхъ Штатовъ обсудитъ этотъ страшный вопросъ и овладѣетъ имъ, если они прѣшатъ теперь, что больше не будетъ прибыли, получаемой въ Америкѣ, и гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ, отъ продажи необработанныхъ матеріаловъ, если оно рѣшитъ положить на вѣсы противъ пере-

житка Круппизма широкую мораль и свое финансовое и матеріальное вліяніе, которое оно будетъ въ состояніи оказать по окончаніи войны,—тогда возможно будетъ привести къ концу эту гнусную отрасль промышленности.

Но если за недостаткомъ мужества или воображенія Соединенные Штаты Америки не придутъ къ этому рѣшенію—я сомнѣваюсь, чтобы это было возможно. Возможно, что сужденія мои о Соединенныхъ Штатахъ окажутся ошибочны, если послѣ войны они воздержатся отъ такого притягивающаго благопріятнаго случая.

Позвольте мнѣ вполнѣ откровенно высказаться. Всѣ приспособленія для выработки военнаго матеріала повсемѣстно должны быть отобраны правительствомъ той державы, въ которой они существуютъ; каждое производство ружей и его частей, каждый докъ для постройки военныхъ судовъ. Компенсировать акціонеровъ болѣе

или менѣе полно будетъ необходимо; возможно, что на это придется отдать послѣ войны часть полученной контрибуціи, если таковая будетъ, но это уже вопросъ подробностей. Вопросъ заключается въ томъ, чтобы все вообще производство оружія было преобразовано въ монополію державы, для полнаго устраненія всякой возможности частной отъ нея прибыли хотя бы на одинъ грошъ. Тогда, и только тогда, явится возможность организовать постоянную ликвидацію этой отрасли промышленности, разрушающей человѣческій родъ, сократить вооруженныя силы всего міра до разумныхъ размѣровъ. Я бы довелъ эго сокращеніе даже до ограниченія производства и продажи всѣхъ сортовъ ружей, пистолетовъ и взрывчатыхъ веществъ. Они должны выдѣлываться только въ правительственныхъ мастерскихъ и подлежать продажѣ только изъ правительственныхъ магазиновъ; не должно быть на всемъ свѣтѣ

ни одного, не зарегистрированнаго, не записаннаго, не прослѣженнаго браунинга, это было бы самымъ лучшимъ рѣшеніемъ. Существеннѣйшимъ же дѣломъ является уничтоженіе этой возмутительной торговли орудіями войны, военными судами и пушками.

Очиствивъ путь отъ этого разложенія, сбросивъ комми-вояжера по продажѣ вооруженія съ той черной лѣстницы, которую онъ такъ долго посѣщалъ, и сбросивъ его такъ рѣшительно, чтобы обезсилить его навсегда,—мы достигаемъ возможности обсужденія утвержденія мира на землѣ. Пока все это не будетъ сдѣлано, всякая возможность такой схемы останется безполезной мечтой. Но отдѣлавшись отъ него, открытъ уже путь для объединенія вооруженныхъ націй, рѣшившихъ разъ навсегда предупредить всякое вторичное заболѣваніе болѣзнью разрушительной войны. Вполнѣ разоруженныхъ странъ не будетъ. Нельзя

разоружаться, какъ хоть одна держава тѣшится мечтой военной славы. Нельзя разоружаться, пока возможность лихорадки войны еще живетъ въ человѣческой крови. Разумъ всего міра долженъ наблюдать за лихорадочными симптомами и готовиться искоренить ихъ.

Послѣ окончанія этой борьбы можно разсчитывать на мирныя наклонности по крайней мѣрѣ слѣдующихъ странъ: Британской Имперіи, Франціи, Италіи и всѣхъ мелкихъ сѣверныхъ и восточныхъ государствъ; Соединенные Штаты были всегда сторонниками мира. Японія получила свой урокъ и слишкомъ обезсилена для серіозныхъ непріязненныхъ дѣйствій; Китай никогда не былъ враждебно настроенъ; Германія также получитъ отвращеніе къ войнѣ, если настоящая не приведетъ къ невыносимымъ оскорбленіямъ и униженіямъ германскаго духа.

Республики Америки, говорящія на ис-

панскомъ и португальскомъ языкахъ, слишкомъ заняты развитіемъ своего матеріальнаго благосостоянія, чтобы мечтать о войнѣ въ современномъ масштабѣ, и то же самое будетъ правильнымъ предположить относительно Греціи, романскихъ и славянскихъ государствъ юго-западной Европы, если, какъ я думаю и надѣюсь, эта война приведетъ къ раціональному переустройству Австро-Венгерской имперіи. 1915 годъ, конечно, увидитъ міръ укрощеннымъ и разумнымъ.

Если въ людяхъ найдется достаточно честности и мужества, то я вѣрю въ то, что послѣ этой войны возможно будетъ учредить всеміврный совѣтъ для регулированія вооруженія. Во-первыхъ, торговля вооруженіемъ должна быть совершенно уничтожена. А затѣмъ слѣдующею важной мѣрой сохраненія мира должна быть нейтрализація моря.

Если Германія и Австрія будутъ разби-

ты, во власти Англіи, Франціи, Россіи, Италіи, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ будетъ запретить разъ навсегда дальнѣйшее сооруженіе военныхъ судовъ; преслѣдовать и, если будетъ нужда, обязать мелкія государства къ продажѣ ихъ флота и отказать въ морскомъ плаваніи вооруженнымъ судамъ безъ контроля конфедераціи. Спускъ на воду вооруженнаго судна будетъ разсматриваться какъ вторженіе въ общую міровую территорію. Это будетъ открытою возможностью въ 1915 г. И это останется открытою возможностью до тѣхъ поръ, пока люди не оправятся отъ удара, нанесеннаго настоящимъ конфликтомъ. Но какъ только онъ начнетъ забываться — она перестанетъ быть возможностью и можетъ быть на сотни лѣтъ. Разумная и честная часть человѣчества уже придумала средство для разоруженія великихъ американскихъ озеръ и громадной Канадской границы срокомъ на сто лѣтъ. Воинственное безуміе

жаловалось на это, но оно никогда не было достаточно мощно для того, чтобы опрокинуть это установленіе. Что возможно въ такомъ масштабѣ, — возможно для всемірнаго примѣненія, какъ только торговецъ вооруженіемъ будетъ устраненъ отъ возможности творить зло. И съ помощью конфедераціи мирныхъ державъ, охраняющихъ моря и гарантирующихъ мирную свободу морей для всего человѣчества, считающихъ транспортъ вооруженныхъ людей или военныхъ матеріаловъ, исключая таковаго между двумя отдѣльными частями одного и того же государства, контрабандой, и безпристрастно блокирующихъ всѣ воюющія державы, тѣ, кто знакомы лучше съ значеніемъ морской власти, яснѣе представятъ себѣ уменьшеніе опасности напряженныхъ войнъ.

Это не мечта. Это простой здравый смыслъ представляющагося сейчасъ благопріятнаго случая.

Мнѣ могутъ возразить, что это разсужденіе преждевременно, что настоящая война еще не разрѣшена. Но во всякомъ случаѣ для Англіи и Франціи не можетъ быть иного разрѣшенія войны, кромѣ одного—пораженія Германіи и ея милитаризма, уничтоженія германскаго флота и созданія этой благопріятной возможности. Ничто другое въ этомъ смыслѣ непріемлемо. Мы должны воевать скорѣе до полнаго истощенія, чѣмъ подчиниться обезчещивающему насъ миру пораженія, или какой-нибудь преждевременной ликвидаціи. Судьбы міра въ теченіе слѣдующихъ двухъ вѣковъ подъ вліяніемъ побѣдоноснаго пруссачества и круппизма не стоятъ обсужденій.

Нѣтъ никакихъ умопостигаемыхъ заключеній послѣ этой войны, кромѣ принужденія Берлина къ послушанію. Нѣтъ теперь никакихъ разумныхъ путей передъ нами кромѣ одного—употребить всю нашу силу

для достиженія побѣды и утвержденія этой побѣды. Концомъ должна быть или побѣда, или мы должны быть стерты съ лица земли. Что произойдетъ послѣ нашего уничтоженія должна рѣшать Германія.

Войну, которая только немножко поколотитъ Германію и возстановитъ презрѣнное напряженіе послѣднихъ сорока лѣтъ, не стоило начинать. Какъ завершеніе всѣхъ нашихъ усилій это было бы для насъ почти такъ же невыносимо, какъ и пораженіе. И это можетъ случиться только въ томъ случаѣ, если опредѣленныя идеи не будутъ облечены въ опредѣленную форму и обнародованы. И такимъ образомъ теперь, пока еще есть время, либеральная часть французскаго и англійскаго общества должна прямо высказаться и обратиться съ призывомъ къ всемірному либерализму не съ тѣмъ, конечно, чтобы раздѣлить съ нами нашу войну, но раздѣлить тѣ задачи, изъ-за которыхъ мы такъ ра-

достно начали эту войну. Но поистинѣ мрачною радостью рады этому дню—Англія, Франція, Бельгія и Россія...

Вѣкъ вооруженной тревоги оконченъ. Что бы ни случилось, конецъ долженъ быть. И нѣтъ другого пути къ нему, какъ черезъ эти два рѣшенія, — уничтоженіе круппизма и нейтрализація моря.

VI.

Потребность въ новой Европейской картѣ

Приступая къ этой статьѣ, я насчитываю всего нѣсколько дней войны; насъ ждутъ неминуемо крупныя сраженія какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, и я нахожу, что мое постоянное предупрежденіе относительно Пруссизма, Бернардизма и всей теоріи практики Германской имперіи, какъ гнусности, уже окрѣпло до абсолютнаго убѣжденія. Могутъ произойти непредвидѣнныя событія. Я ничего не говорю о морѣ, но главный и рѣшительный результатъ кажется мнѣ сейчасъ настолько же достовѣрнымъ — насколько достовѣренъ завтрашній восходъ солнца. Я не знаю, сколько еще кровопролитія предстоитъ перенести Европѣ, пока Германія не пой-

метъ, что она отравлена безуміемъ и руководима безумцемъ. Я не знаю, какъ долго еще чванный прусскій офицеръ будетъ доводить толпы своихъ людей до массоваго умерщвленія, пока они не возмутятся противъ него, и еще менѣе того знаю, какія приготовленія сдѣлало раздутое тщеславіе Берлина, предвидя пораженіе.

Германія въ оборонительномъ положеніи можетъ показаться очень непреклонной, между тѣмъ, какъ мощь Россіи, можетъ быть,—и я такъ думаю, — переоцѣнена. Все это можетъ задержать, но не сможетъ измѣнить того окончательнаго явленія, такъ изумительно предсказаннаго Беллокомъ, что Пруссизмъ былъ смертельно раненъ при первомъ наступленіи на траншеи Льежа. Мы начинаемъ новый періодъ исторіи.

Это не было пораженіемъ Германіи. Она еще непобѣдима. Это страна, у которой славное прошлое и славное будущее. Но никогда болѣе по окончаніи этой войны

не станетъ она маршировать подъ командою прусскаго сержанта и огрызаться на весь міръ. Легенда Пруссіи разсѣяна. Ея призывъ былъ направленъ только къ грубому критеріуму успѣха и онъ не достигъ цѣли.

Никогда болѣе грубость Берлина не омрачитъ великой и дружественной цивилизаціи Южной и Восточной Германіи. Работа, которая предстоитъ міру, заключается въ томъ, чтобы стереть съ жизни и духа человѣчества «прусскую лазурь».

Ни одно изъ Европейскихъ государствъ не питало настоящей злобы противъ Германіи. Нашъ споръ съ нею—споръ не съ народомъ, но съ идеей. Запомнимъ это ясно и для дальнѣйшаго. Можетъ быть, отпоръ, данный германцамъ у Льежа былъ только началомъ крушенія Германіи, равнаго по значенію крушенію Франціи въ 1871 году. Возможно, что у Германіи нѣтъ второго плана, если ея первый потерпитъ

неудачу; возможно, что она распадется на куски послѣ перваго пораженія. Мнѣ кажется, что это такъ,—я рискую пророчествовать,—и я хотѣлъ бы, чтобы мы приготовились къ искушеніямъ побѣды. Итакъ мы, либералы, объявимъ наше рѣшительное, неизмѣнное убѣжденіе въ томъ, что расчлененіе Германіи или допущеніе подпаденія подъ иностранное ярмо Германской территоріи будетъ грѣхомъ.

Мы, англичане, должны сговориться въ этомъ дѣлѣ. Возможны возстановленія подъяремной территоріи Польши, Франціи, Даніи, Италіи, но мы видѣли уже достаточно расовыхъ порабощеній для того, чтобы этого болѣе не допустить. Отъ Рейна до Восточной Пруссіи, отъ Балтійскаго моря до тѣхъ южныхъ границъ Австріи, въ предѣлахъ которой говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ—Германцы составляютъ одинъ народъ. Начнемъ съ рѣшенія не допустить новыхъ ужасовъ надъ побѣжденными

территоріями», которыя грозятъ нарушеніемъ будущаго мира Европы. Рѣшимъ, что по заключеніи окончательнаго мира, Германцы останутся свободнымъ народомъ, какъ бы велико ни было ихъ пораженіе.

Когда пруссаки наводнили Люксембургъ, они разорвали карту Европы. Тысячи и тысячи возьмутся за ея возстановленіе. Въ работѣ этой будутъ имѣть мѣсто всевозможныя посягательства и алчность. Очень немногіе поведутъ переговоры съ простыми ясными намѣреніями. Всевозможныя безобразныя и нелѣпыя явленія могутъ имѣть мѣсто въ этомъ спорѣ. Намъ, англичанамъ, надлежитъ стать во главѣ этого дѣла, посовѣтоваться съ самими собой и установить, что справедливо; намъ, отдѣленнымъ и независимымъ отъ національныхъ страстей континента, не надлежитъ лукавить въ политикѣ, но должно обнародовать сейчасъ настолько единогласное рѣшеніе, насколько это теперь воз-

можно, и такимъ образомъ довести эту войну до конца съ яснымъ представленіемъ о послѣдствіяхъ, съ напряженіемъ всей нашей силы для созданія продолжительнаго мира въ Европѣ. Это значитъ, что настолько, насколько мы можемъ заглянуть впередъ, мы должны измѣнить карту такъ, чтобы между нами, западными націями, было какъ можно меньше причинъ къ войнѣ. И это значитъ, что мы должны справедливо измѣнить ее. И основательно.

Развѣ такой планъ немыслимъ? Я думаю нѣтъ. Существуютъ же границы навсегда безспорныя. Доказательствомъ этого могутъ быть Канадскія. Нѣкоторыя границы служили Европѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ и все менѣе становились угрожающими. Ничто, напримѣръ, не хочетъ насильно измѣнить обоюдныя границы Голландіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи, Португаліи и Италіи и ни одна изъ этихъ державъ теперь не желаетъ захватить себѣ

владѣнія какой-либо другой изъ этой группы. Эти страны неизмѣнно и прочно пребываютъ въ мирѣ между собой. Не будетъ ли теперь возможно сдѣлать такія коренныя измѣненія, чтобы обезпечить такое же практическое соглашеніе между всѣми европейскими странами? Не является ли настоящая война имъ благопріятнымъ случаемъ для этого?

Мнѣ кажется, что въ этомъ дѣлѣ намъ надлежитъ составить окончательное мнѣніе, которое было бы достаточно здраво и опредѣленно для того, чтобы сопротивляться внезапнымъ импульсамъ воюющихъ къ тріумфамъ и опередить тайныя соглашенія дипломатіи. Это нужно сдѣлать немедленно.

Выяснимъ цѣль нашей войны, обезпечимъ и установимъ. Этотъ вопросъ вовсе не представляетъ для насъ абстрактнаго интереса; теперь долгъ каждаго гражданина Англіи настолько изучить проблему карты

Европы, чтобы мы могли навсегда прекратить темную игру заговоровъ, тайныхъ соглашеній, ловкихъ выходокъ, синтетическихъ схемъ, изнурившихъ силы цивилизаціи (и создавшихъ богатства семьи Круппа) за послѣдніе сорокъ лѣтъ. Мы воюемъ сейчасъ изъ-за новой Европейской карты, если мы вообще воюемъ за что-нибудь.

Я бы представилъ себѣ эту новую карту Европы такъ, какъ будто бы она была флагомъ союзниковъ, подготовляющихъ сейчасъ отраженіе германцевъ назадъ къ ихъ собственной территоріи. Во-первыхъ я предполагаю, что Франція должна получить обратно Лотарингію и что Люксембургъ долженъ быть связанъ болѣе тѣснымъ союзомъ съ Бельгіей. Эльзасу, мнѣ кажется, должна бы быть дана возможность выбора между Франціей и вступленіемъ въ союзъ Швейцаріи. Возможно, что Эльзасъ выберетъ первое.

Данія получила бы опять опредѣленную датскую часть ея потерянныхъ провинцій. Тріестъ и Тріентъ, а можетъ быть и Пола должны быть возвращены Италіи. Это вновь соединитъ раздѣленныя части народовъ въ ихъ наиболѣе родственномъ союзничествѣ. Но все это перемѣны, незначительныя въ сравненіи съ тѣми, которыя неизбѣжно предстоятъ въ Восточной Европѣ, и, обдумывая которыя, мы должны напречь наше воображеніе, если настоящая война и гибель столькихъ людей закончится продолжительнымъ миромъ. Конецъ австрійской имперіи проклятіемъ висѣлъ надъ Европой въ теченіе сорока лѣтъ. Такъ уничтожимъ ее теперь и тѣмъ покончимъ съ этимъ вопросомъ. Какова будетъ участь не-нѣмецкихъ владѣній Австро-Венгріи? Какова будетъ участь польской границы Россіи?

Прежде всего я хотѣлъ бы предложить, чтобы три части разрозненной Польши

были возсоединены и чтобы Русскій Царь короновался королемъ Польши. Я предполагаю, что мы выступимъ съ этимъ опредѣленнымъ національнымъ намѣреніемъ и употребимъ все наше либеральное вліяніе, какое сообщитъ намъ настоящая война, чтобы убѣдить Россію такъ поступить.

А во-вторыхъ я предложу, чтобы мы поставили передъ собой цѣлью нашей политики — объединеніе той большей Румыніи, которая включаетъ Трансильванію, и соединеніе въ кондеферацію типа Швейцаріи всѣхъ сербскихъ и quasi-сербскихъ провинцій австрійской имперіи. Затѣмъ мы будемъ требовать съ Сербіи возврата Болгаріи всѣхъ ея областей, населеніе которыхъ говоритъ на болгарскомъ языкѣ, и которыя находятся сейчасъ подъ ея управленіемъ; освободимъ Скутари отъ несправедливой оккупаціи, совершенной черногорцами, и постараемся осуществить другую швейцарскую конфедерацію изъ оста-

6

ющихся чешскихъ, славянскихъ и венгерскихъ областей.

Я убѣжденъ, что для дискредитированныхъ королевствъ и имперій, такъ долго создававшихъ въ Европѣ неустойчивость дѣлъ, пришло время ихъ реформы въ ассоціаціи швейцарскаго типа. Каждый императоръ и каждый король. какъ мы теперь замѣчаемъ, считаетъ національное честолюбіе болѣе органическимъ и опаснымъ, чѣмъ это возможно въ условіяхъ республики. Наша монархія составляетъ единственное исключеніе, потверждающее правило. Нѣтъ причинъ умножать эти разсадники ссоръ и споровъ.

Возможно, что ни Болгарія, ни Сербія не очень остро почувствуютъ потерю своихъ королей и какъ бы то ни было, я не вижу болѣе нужды въ этихъ раздражающихъ прыщахъ честолюбія на прекрасномъ обликѣ міра.

Прекратимъ снабженіе неудобоваримыми

принцами новыхъ союзничествъ, которыя мы установимъ.

Въ особенности Албанія съ ея смѣшаннымъ населеніемъ не нуждается въ монархіи, и я думаю, что идея объ образованіи конфедераціи изъ ея маленькихъ кантоновъ и есть та единственная, которая броситъ лучъ надежды въ этотъ мятежный уголокъ земли. Нѣтъ никакихъ основаній, конечно, чтобы этотъ народъ эксплоатировался Италіей, разъ Италія можетъ претендовать на болѣе законное вознагражденіе. Такимъ образомъ, въ этой статейкѣ я набросалъ очеркъ карты Европы, которая можетъ явиться результатомъ настоящей борьбы. Это мой личный синтезъ нашихъ цѣлей въ этой войнѣ.

Вполнѣ очевидно, что я очень несвѣдущъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ. И вполнѣ очевидно, что это необработанный сырой матеріалъ. Я допускаю нѣкоторое чувство глупой самоувѣренности, сидя передъ картой

Европы въ роли человѣка надъ уткой, отхватывающаго одинъ кусокъ здѣсь, другой тамъ. Это роль каждаго изъ насъ. Я намѣреваюсь продолжить измѣненіе карты Европы съ каждымъ интеллигентнымъ человѣкомъ, котораго я встрѣчу. Всѣ мы болѣе или менѣе невѣжественны; это, конечно, несчастіе, но это не должно измѣнить того факта, что мы не можемъ увернуться отъ какихъ бы то ни было рѣшеній или отъ пассивной уступки въ этихъ дѣлахъ. Если мы не постараемся сдѣлать все возможное для того, чтобы уяснить себѣ новую карту, если мы не придемъ ни къ какимъ рѣшеніямъ — могутъ произойти еще болѣе безпорядочныя измѣненія. Европа запутается, впадетъ въ еще болѣе нелѣпыя усложненія и создастъ еще болѣе колоссальный Армагеддонъ, чѣмъ тотъ, который сейчасъ на лицо.

Я думаю никто не допускаетъ той мысли, что послѣ войны, мы представимъ

эти вопросы на разсмотрѣніе дипломатіи. Но кому-нибудь надо же рѣшить — или намъ съ вами, или дипломатіи. Если вы хотите увидѣть, куда привели Европу ея дипломатія и Welt Politik послѣ сорока лѣтъ тревогъ и вооруженія—пойдите и загляните во рвы Льежа. Эти окровавленныя груды тѣлъ и есть первые результаты жатвы. Единственная альтернатива для дипломатіи — это откровенная разумность, ваша, моя, и всякаго обладающаго даромъ слова. Всѣ мы должны приняться за измѣненіе карты Европы по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей. Если наши силы и способности, къ несчастію, окажутся весьма незначительными, это не освободитъ насъ отъ обязательствъ. Установить послѣднее переустройство всѣхъ Европейскихъ границъ надлежитъ сдѣлать намъ, если мы это можемъ. Если мы, обыкновенные интеллигентные люди, въ совокупности не установимъ этого, никто этого не сдѣлаетъ.

Если у насъ нѣтъ никакихъ намѣреній относительно карты Европы, мы скоро будемъ продолжать войну изъ-за ничего въ особенности. Прусскій духъ нанесъ себѣ непоправимый ударъ, и сѣверное побережье Франціи и неприкосновенность Бельгіи спасены. Вся борьба, которая еще впереди, будетъ только утвержденіемъ и развитіемъ этого положенія. И если это все, мы можемъ отойти въ сторону съ удовлетворенной совѣстью и наблюдать за медленнымъ влаченіемъ войны къ ея злосчастному концу. Предоставленная себѣ, побѣдоносная Россія сможетъ вѣроятнѣе всего скорѣе захватить Восточную Пруссію и займется обрусѣніемъ ея населенія, чѣмъ рискнетъ несвареніемъ желудка отъ проглатыванія еще одной порціи поляковъ.

Италія сможетъ вступить въ Албанію и въ новый конфликтъ съ Сербіей; понятно даже, что и Франція можетъ оказаться не-

великодушной, на что у нея найдется поводъ для оправданія. Тѣмъ временемъ народности, говорящія на нѣмецкомъ, окажутся подчиненными, но не подчиняющими, въ половинѣ Австро-Венгерскихъ провинцій. Честолюбивые, злонамѣренные, мелкіе короли, въ полномъ сборѣ съ ихъ канцлерами, съ ихъ національною политикой и тщеславіемъ, поднимутся и бросятся на благопріятную почву, а окровавленная и раздраженная Германія, постоянно мучимая раздорами родственныхъ ей народностей, мрачно примется за созданіе новаго поколѣнія солдатъ и приготовленія къ реваншу. Вотъ почему я думаю, что мы, либеральные англичане, должны начертить сейчасъ новую карту Европы, сдѣлавъ это сначала на бумагѣ, а затѣмъ на поверхности земли.

Мы должны начертить ее сейчасъ и пропагандировать идею объ этомъ, сдѣлать это національнымъ намѣреніемъ, призвать

на помощь интеллигентность и совѣсть Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Скандинавіи. Открыто и всесторонне мы должны обсудить, и рѣшить, и сказать всему міру, что мы собираемся дѣлать. Царство безчеловѣчія, цинизма, тайной измѣны разнесено въ Европѣ на куски.

Надъ развалинами прусскаго бога войны установятся свободный разумъ, общественное мнѣніе, справедливость, интернаціональная добрая вѣра и добрыя намѣренія, управляя судьбами человѣка. Но настоящее положеніе вещей не станетъ ждать разума и справедливости, если только разумные люди не имѣютъ ни энергіи, ни единодушія.

VII.

Либералы, пользуйтесь случаемъ!

Она пришла, наконецъ, эта возможность, открывшаяся либерализму, эта чреватая послѣдствіями возможность. Вѣкъ милитаризма добился своего неизбѣжнаго завершенія. Великая солдатская имперія, созданная для войны, доминировавшая надъ Европой въ теченіе сорока лѣтъ, съ корнемъ вырвала себя самое и ввергла себя въ борьбу, для которой была создана. Выиграетъ ли она или проиграетъ—во всякомъ случаѣ она никогда не возстановитъ себя. Вся Европа, слѣдуя за ней, представляетъ изъ себя поле битвы. Хлѣбныя поля стоятъ не сжатыя, фабрики остановились; ненадежная, денежная бумажонка замѣщаетъ звонкій приливъ торговыхъ

оборотовъ; какой бы результатъ ни ждалъ насъ—пораженіе или тупикъ, цивилизація капитализма и милитаризма подкопалась подъ себя и заканчивается. Война можетъ сжечь себя сама скорѣе, чѣмъ думаютъ тѣ, которые наблюдаютъ ее, но война сама по себѣ есть полное банкротство. Дѣйствительность ея—это искорененіе и неисправимый сдвигъ. Попытка очертить и измѣрить этотъ сдвигъ—похожа на первыя усилія человѣка постичь междупланетныя разстоянія. Это значитъ передѣлать свою мысль по новому и подавляющему масштабу. Никогда еще время не было обременено такой быстрой перемѣнчивостью событій, какъ настоящее. Очевидно, что въ годъ или около года міръ человѣческій можетъ измѣниться болѣе того, чѣмъ онъ измѣнялся въ послѣдніе полтора столѣтія, и, конечно, болѣе чѣмъ когда либо измѣнялся передъ послѣдними столѣтіями съ момента возникновенія исторіи. Подумайте

о настоящемъ географическомъ сдвигѣ: едва ли найдется какая-либо Европейская страна, которая выйдетъ изъ настоящей борьбы, не будучи совершенно измѣненной въ своихъ границахъ; монархическія державы исчезнутъ съ карты и новыя замѣнятъ ихъ.

Въ той безпорядочности событій, которая виситъ надъ нами и въ которой война является только предварительной фазой, соціальное переустройство неизбѣжно. Кто можетъ въ этомъ сомнѣваться? Кто можетъ сомнѣваться въ уничтоженіи довѣрія и обычая уже начавшихся? . . . .

. . . .

. . . . Можетъ ли кто-нибудь предположить, что притворцы - германцы вполнѣ выработали планъ попеченія и продовольствія своего безумно растянутаго войска, которое они швырнули на Францію? Можетъ ли кто-нибудь предполагать, что они разсчитывали на препятствія и оста-

новки? Воображаетъ ли кто-либо, что ихъ санитарная организація превосходна? Появятся эпидеміи. И можетъ ли кто-нибудь повѣрить тому, что наши всевозможныя финансовыя ухищренія предотвратятъ «ихъ» финансовый крахъ и что гамбургскіе и франкфуртскіе банкиры въ предстоящемъ январѣ будутъ по прежнему впихивать свое золото въ, пока еще правильно работающій, міръ.

Германская государственная машина, вѣроятно, уже сдѣлала все, что когда-либо могла сдѣлать. И среди волненій и тревогъ, созданныхъ ею, она стоитъ уже истощенная. Ея мобилизаціонныя приготовленія, говорятъ, были удивительно совершенны. Десять милліоновъ людей были доставлены на поле дѣйствій въ полной аммуниціи.

Прусская Германія выполнила всѣ свои приготовленія и поручила дѣло Богу. Германское предвидѣніе истощилось. Если Gott измѣнитъ Германіи, я не думаю, что-

бы она хоть отдаленно знала, что слѣдуетъ ей предпринять. Большая часть этихъ милліоновъ людей никогда не вернется домой.

И никогда, конечно, не вернутся они къ своей работѣ, потому что ея уже не будетъ.

Характерно для настоящаго времени то, что многое на свѣтѣ, и въ особенности многое въ нашемъ представленіи, многое, что казалось непобѣдимымъ, какъ непобѣдимы горы или углубленное въ землю море,—исчезаетъ какъ по мановенію волшебной палочки, теряетъ свою стойкость, увядаетъ, замѣняется, исчезаетъ.

Глядя на Европейскую карту мѣсяцъ тому назадъ—мы считали линіи ея границъ почти такими же постоянными, какъ побережныя линіи. А сейчасъ онѣ волнуются передъ глазами. Когда мы думали о наслѣдствѣ германскаго кронпринца—оно казалось намъ такъ же прочно закрѣпленнымъ, какъ какое-нибудь созвѣздіе, а теперь еще

немного, и оно будетъ стоить такъ же мало, какъ и окровавленная тряпка въ траншеяхъ Льежа. Такъ и въ мелкихъ и крупныхъ явленіяхъ внезапно встаютъ передъ нами, немыслимыя дотолѣ, привратности.

Реформъ-клубъ *), гдѣ передъ моими глазами весело и непринужденно вотъ уже много лѣтъ текло золото, теперь неохотно уступаетъ мнѣ по чеку двѣ нехудожественныхъ кредитки. Мой другой клубъ прекратилъ свой обычай платежа по чекамъ. Хорошо, что бѣдный Багхотъ не дожилъ до этихъ дней. Просыпаясь, я всегда поражаюсь тому, что у меня еще имѣется банкиръ... И я думаю, что еслибъ сейчасъ мой банкиръ растворился въ останкахъ этого растворяющагося міра,—возможность, которую я считалъ невыносимой бѣдой мѣсяцъ тому назадъ — я бы засмѣялся и продолжалъ бы жить.

*) Одинъ изъ крупныхъ лондонскихъ политическихъ клубовъ.

Тѣ идеи, которыя управляли жизнью, даже если онѣ были божественной справедливостью — сейчасъ преслѣдуются и избиваются на улицахъ.

Право собственности, напримѣръ, смѣлыя добродѣтели индивидуализма, снисхожденіе къ преимуществамъ воздержанія, въ теченіе прошлой недѣли внезапно исчезли среди проклятій, сыпавшихся на спѣшащіе автомобили, нагруженные пакетами сахара и муки. Они удирали, оставляя другихъ во власти соціализма и коллектизма. Государство отбираетъ мукомольныя мельницы и снабженіе припасами не только для военныхъ надобностей, но для общественнаго благосостоянія Государство распоряжается желѣзными дорогами съ неожиданнымъ пренебреженіемъ къ акціонерамъ. И никто даже не выражаетъ своего негодованія письмомъ въ редакцію «Times». Если государство считаетъ удобнымъ взять подъ свою власть веденіе этихъ вещей

навсегда, или ослабить свой захватъ съ тѣмъ, чтобы потомъ усилить свое давленіе, я спрошу, много ли осталось разума у тѣхъ, кто былъ выметенъ событіями за послѣднія двѣ недѣли, для того, чтобы оспаривать положеніе вещей?

Общество, какъ мы знали его годъ тому назадъ, уже окончило всякаго рода занятія; оно потеряло свою реальную связь; только отсутствіе какого бы то ни было привлеченія въ другомъ мѣстѣ еще связываетъ насъ. Мы держимся нашего относительнаго положенія, потому что намъ некуда броситься. Оглушенная, изумленная публика все еще наполняетъ улицы; а мы говоримъ о нашемъ національномъ спокойствіи. Болѣе интеллигентные люди, оторванные отъ своихъ занятій, записываются въ добровольцы, потому что имъ ничего не остается другого; мы говоримъ о нашемъ великолѣпномъ отвѣтѣ на призывъ лорда Китченера. Каждый предлагаетъ свои

услуги, каждый ищетъ того, кто указалъ бы ему, что дѣлать. Это не организованность, это первая стадія разложенія.

Я не пророчествую сейчасъ и я не «даю волю фантазіямъ». Я слѣдую со всей поспѣшностью, на какую я способенъ, за бѣгущими сабытіями и отмѣчаю ихъ. Учрежденія и условности рушатся вокругъ насъ и освобождаютъ для небывалой доселѣ силы два рода мятежа, который давали обыкновенныя времена,—это—волю и идеи

Характеръ новаго вѣка, который долженъ наступить послѣ катастрофъ этой эпохи, не будетъ вѣкомъ механичискаго послѣдствія мертвыхъ силъ. Воля и идея займутъ самое огромное мѣсто въ этомъ водоворотѣ, какое только онѣ когда-нибудь занимали въ предыдущихъ распаденіяхъ. Безъ сомнѣнія, масса человѣчества потечетъ по русламъ случая, но жажда новаго, окончательнаго установленія вещей будетъ силой, и если она будетъ выражена

многими и многогласно, она сможетъ стать даже руководящею силой въ реформѣ новаго вѣка. И обыкновенный человѣкъ, и негодяй — оба напуганы до послушанія. Правители, напыщенное тщеславіе, обструкціонисты оказались внезапно услужливыми, готовыми помочь просящимъ о помощи. Наступило время неоспоримыхъ преобразованій и сдвиговъ. Для людей, знающихъ, чего они хотятъ, пришелъ моментъ. Это лучшій моментъ испытанія или осужденія конструктивной, либеральной мысли на свѣтѣ.

Но что намѣренъ теперь дѣлать либерализмъ?

Противъ либерализма всегда приводились доводы, что онъ сатирически критиченъ, дезорганизованъ, разсѣянъ, непрактиченъ, замкнутъ и готовъ скорѣе «подавать въ отставку» и протестовать, чѣмъ помогать.

Это обычное оправданіе всѣхъ современныхъ аристократій, бюрократій и дипломатовъ. Правы ли онѣ?

Представитъ ли либеральная мысль въ этомъ міровомъ кризисѣ зрѣлище толпы, мелочныхъ, вздорящихъ людей, выметенныхъ равнодушной метлой жестокаго событія, или мы будемъ въ состояніи провести и выразить наши идеи, которыя будутъ руководящими въ этомъ распаденіи или возрожденіи міра? Говорилось ли объ этомъ? Составлялись ли планы? Предстоитъ ли новому міру быть образованнымъ философами или гуннами?

Во-первыхъ о мирѣ. Сознаютъ ли либералы, что наступило время намѣчать планъ конфедераціи и всеобщаго разоруженія въ Европѣ, что пора передѣлать ея карту такъ, чтобы не существовало распаленныхъ ранъ неудовлетвореннаго національнаго честолюбія? Останется ли либерализмъ только при своихъ вопляхъ о мирѣ или онъ возьмется направить этотъ вопросъ въ надлежащее русло? Если онъ не разобьетъ мірового плана объ умиротвореніи до тѣхъ поръ,

пока дипломаты не примутся за работу— будетъ слишкомъ поздно. Миръ можетъ наступить для Европы такъ же быстро и разрушающе, какъ пришла война.

Сейчасъ уже наступилъ моментъ фундаментальныхъ созиданій, которыя иначе не будутъ имѣть мѣста еще цѣлыя столѣтія. Если либералы всего свѣта,—а либерализмъ Америки особенно—будутъ настаивать на міровой конференціи послѣ окончанія настоящаго конфликта, если они откажутъ въ частныхъ установленіяхъ и европейскомъ раздробленіи, они смогутъ передѣлать каждую любую границу свести до minimum'а тысячи пустыхъ конфликтовъ племенъ, языковъ и правленій, установивъ лигу мира контролемъ всего земного шара. Міръ достаточно зрѣлъ для этого, какъ и для уничтоженія частной индустріи вооруженія и всѣхъ причинъ разложенія, которыя навсегда отойдутъ отъ міра. Возможно, наконецъ, положить конецъ и круппизму

Возвратъ его будетъ немыслимъ. Затѣмъ— скажемъ, что оружіе должно быть выдѣлано государствомъ и только для потребленія у себя. Не должно быть болѣе частной выгоды отъ крови. Эта вторая великая возможность для либерализма связана съ первой. Въ третьихъ—мы можемъ измѣнить нашу соціальную организацію съ наименьшими усиліями, мы можемъ дать толчекъ тѣмъ методамъ и механикѣ, которые навсегда поставятъ вопросы питанія и убѣжища для народонаселенія и администраціи страны внѣ достиженій частной алчности и эгоизма.

VIII.

Англійскіе либералы и русская опасность.

У насъ существуетъ очевидная и значительная боязнь передъ силой и намѣреніями Россіи. Хорошо бы обсудить теперь, на чемъ зиждется этотъ страхъ, такъ какъ онъ можетъ довольно глубоко повліять на британскій и американскій либерализмъ въ отношеніи какъ продолженія войны, такъ и окончательнаго рѣшенія и ликвидаціи создавшагося положенія вещей.

Я думаю, что началомъ этого преувеличеннаго страха послужило полное невѣдѣніе русской дѣйствительности. Англичане считаютъ Россію гораздо болѣе расчетливой, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, болѣе сосредоточенной, болѣе враждебно-настроенной противъ восточныхъ цивилизацій. Они

представляютъ себѣ русскую политику чертовски прозорливымъ паукомъ въ темномъ углу и полагаютъ, что колоссальное объединеніе государства и національной гордыни и тщеславія, которыя подъ конецъ сдѣлали Германію невыносимой, могутъ повториться въ гораздо болѣе гигантскомъ масштабѣ, что панславизмъ займетъ мѣсто пангерманизма, какъ господствующее агрессивное направленіе міра. Этотъ страхъ обязанъ своимъ появленіемъ основнымъ ложнымъ понятіямъ и поспѣшнымъ сравненіямъ. Россія не только огромнѣйшая страна на свѣтѣ, но и нерадивѣйшая; она неспособна на подобное ужасное объединеніе. Разъ пруссизмъ будетъ низвергнутъ—то лѣтъ на двѣсти еще для разумной соединенной Западной Европы не будетъ причинъ для безпокойства относительно риска рѣшительнаго нападенія съ Востока. И я не думаю, чтобы она когда-нибудь встревожилась этой возможностью.

Соціально и политически Россія представляетъ изъ себя единственную въ своемъ родѣ структуру. Очень модно говорить о Россіи, какъ о странѣ «пятнадцатаго или шестнадцатаго столѣтія». Но на самомъ дѣлѣ Россія, какъ и всякая другая страна сейчасъ, живетъ въ двадцатомъ, и я считаю невозможнымъ найти подобную соціальную организацію въ какомъ бы то ни было столѣтіи вообще. Въ общемъ — это страна отсталая.

Характеръ большинства народовъ, населяющихъ Россію не подтверждаетъ того предположенія, что они даже въ большихъ размѣрахъ проявятъ то послушаніе, которое проявили нѣмцы, будучи подъ давленіемъ пруссаковъ. Никто изъ тѣхъ, кто видѣлъ русскихъ и имѣлъ возможность сравнить Берлинъ съ Петроградомь или Москвой, кто знаетъ хотя отчасти русское искусство и литературу, не допуститъ того положенія, что этотъ народъ, одаренный

природнымъ умомъ, остроумный, нетерпѣливый, способенъ усугубить эгоизмъ, тупую выправку, бездушную культуру Германіи или политическія пошлости Потсдама. Міръ этотъ ужасенъ, но пруссизмъ принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя дважды не повторяются.

. . . .

. . . . Но во всей исторіи Россіи не было такихъ ужасныхъ кровопролитій, какъ тѣ, въ которыхъ мы, благородные англичане, повинны передъ Ирландіей, въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ. Россія кромѣ того занимается «обрусеніемъ», часто неуклюже, неумѣло, часто успѣшно. Германія, напримѣръ, искала способовъ германизаціи Богеміи и Польши съ очевидной жестокостью и неудачей.

Мы «англизировали» Ирландію. Эти насильственные пріемы создать единообразіе естественны для фазы соціальнаго и по-

литическаго развитія, которой еще не избѣгнулъ на землѣ ни одинъ народъ.

Только одной цивилизованной странѣ Россія дѣйствительно угрожаетъ—это Швеціи. Швеція обладаетъ огромными сокровищами угля и желѣза въ предѣлахъ полнаго достиженія его Россіей. И сознаюсь, я наблюдалъ Скандинавію въ эти дни съ нѣкоторымъ страхомъ.

Щвеція единственная страна въ Европѣ, въ которой существуетъ про-германская милитаристическая партія и она можетъ впасть въ искушеніе,— (не знаю насколько она уже была искушена) вовлеченія себя и Норвегіи въ эту борьбу рядомъ съ Германіей. Если она это сдѣлаетъ, наше правительство, окажется немало виновнымъ въ томъ, что оно не дало ей и не повліяло на Россію, чтобы она дала въ свою очередь общія существеннѣйшія гарантіи ея неприкосновенности навсегда. Но если Скандинавскія государства воздержатся отъ

вмѣшательства въ настоящую войну — тогда я не вижу, что можетъ отклонить насъ, Францію и Россію отъ всенародной, окончательной и связующей декларацiи нашей общей заинтересованности въ неприкосновенности Швецiи и нашего общаго рѣшенія охранять ее?

За исключеніемъ этого, я не вижу нигдѣ опасности отъ Россiи для нашихъ цивилизацій, по крайней мѣрѣ—такой значительной опасности, какъ власть Кайзера-Круппа, съ которой мы воюемъ на смерть.

Эта война, даже если она увѣнчается наибольшимъ успѣхомъ, все же еще оставитъ Россію лицомъ къ лицу съ объединенной и очищенной Германіей. Надо помнить, что уничтоженіе прусской идеи и распаденіе Австро - Венгерской Имперiи сдѣлаетъ нѣмецкую Германію не меньше, но обширнѣе, чѣмъ она есть сейчасъ.

Для порядочно управляемой и охраняемой Индiи, уровень образованія которой

выше ея собственнаго, и съ населеніемъ втрое больше, Россія можетъ быть опасною въ случаѣ грубаго, дурного управленія съ нашей стороны, возможность вмѣшательства въ дѣла Китая будетъ отодвинута на много лѣтъ, какъ и всѣ наши общія для этого возможности. Еслибъ китайцы были невоспріимчивы къ обученію,— а только тупой народъ считаетъ ихъ тупой расой,—Китай 1934 года какъ ни для кого изъ насъ, такъ и для Россіи не будетъ страной, въ дѣла которой мы могли бы вмѣшаться. Итакъ—гдѣ же на всемъ свѣтѣ находится опасность со стороны Россіи?

Между тѣмъ опасность владычества Кайзера плюсъ Круппа виситъ надъ всѣмъ міромъ и не ждетъ. Пораженіе или даже частичная побѣда для союзниковъ не измѣнитъ этой опасности.

IX.

Воззваніе къ американскому народу.

Это воззваніе обращаетъ къ вамъ воюющая Англія, потому что отъ васъ, американцевъ, зависитъ исходъ настоящаго конфликта. Вліяніе вашихъ штатовъ благодаря ихъ положенію и продолжительности ихъ существованія можетъ быть громаднымъ, и въ окончательномъ установленіи вещей послѣ войны вамъ можетъ предстоять та роль, какую еще не играла ни одна нація съ самаго возникновенія міра. Отъ васъ зависитъ установить и обезпечить постоянный миръ какъ завершеніе настоящей войны или отказать міру въ этомъ.

Воззваніе, которое Англія обращаетъ къ вамъ, не есть призывъ во имя стараго родства и расовой близости. Вашъ языкъ

конечно, англійскій, но съ давнихъ поръ ваша нація переросла эти начальныя звенья, кровь всѣхъ европейскихъ народовъ перемѣшалась въ крови вашихъ сыновъ, и не къ случайностямъ вашего начальнаго прошлаго, но къ величію вашего будущаго, къ человѣческому началу, вложенному въ насъ, а не къ англичанину, ирландцу или шотландцу въ васъ обращенъ этотъ призывъ.

Полъ міра участвуетъ въ войнѣ или находится на рубежѣ ея, немыслимо, чтобы вы просмотрѣли этотъ конфликтъ или отвернулись отъ него. Вы должны будете неизбѣжно судить насъ. Неизбѣжно и ваше участіе въ окончательномъ установленіи вещей, которое освободитъ человѣчество отъ призрака войны на много лѣтъ. Мы призываемъ васъ разсудить насъ, вслушаться терпѣливо въ наше повѣствованіе, проявить ту большую рѣшающую власть, которою вы обладаете, проявить

ее не торопясь и съ полнымъ вниманіемъ. Мы не скрываемъ отъ себя того, что вы можете разбить всѣ наши надежды. Вы, какъ народъ, вдвое многочисленнѣе насъ и сейчасъ вы находитесь только въ предверіи вашего славнаго будущаго съ яснымъ представленіемъ о возможномъ расширеніи въ будущемъ, съ безграничными и еще едва использованными источниками богатства и власти. Вы находитесь уже на той ступени, когда нѣкоторое великодушіе подобаетъ вамъ въ отношеніи вашемъ къ Европейскимъ дѣламъ.

Въ то время, когда вы, благодаря вашему счастливому положенію, вашимъ здравымъ и братскимъ взаимоотношеніямъ—ставшимъ установленною традиціей вдоль вашихъ сѣверныхъ границъ,—которыя мы англичане помогли вамъ обезпечить—жили и живете свободные отъ зрѣлища и тягости военныхъ приготовленій и, свободные, кажется навсегда,—вся Ев-

ропа болѣе чѣмъ полвѣка сгибалась все съ большею и большею усталостью подъ безконечно увеличивающимся бременемъ вооруженій. Въ теченіе многихъ лѣтъ Европа была вооруженнымъ лагеремъ съ милліонами людей, вѣчно стоящими подъ оружіемъ, устрашаемая постоянною мыслью о войнѣ, отравлявшею ея жизнь, съ обѣднѣвшимъ образованіемъ, отставшимъ соціальнымъ развитіемъ, со всѣмъ ограниченіемъ потребностей, исключая военныхъ приготовленій. Было бы глупо порицать за такое положеніе вещей какую-либо одну націю; оно выросло, какъ всякое великое зло, тихо и незамѣтно. Можно перелистать исторію вплоть до тридцатилѣтней войны, вспомнить такія имена какъ Фридрихъ Великій, Наполеонъ I, Наполеонъ III, Бисмаркъ. Какое имѣетъ значеніе, кто былъ зачинщикомъ этого зла и кто изъ нихъ больше заслуживаетъ порицанія? Это зло передъ нами сейчасъ и намъ предстоитъ считаться съ нимъ.

Но мы, англичане, утверждаемъ, что правительство германскаго императора было и есть то зло, которое направляло и насиловало ходъ вещей эти послѣднія сорокъ лѣтъ, которое принуждало насъ строить одно военное судно за другимъ въ упорномъ соперничествѣ за наше преобладаніе на морѣ, отъ котораго зависитъ наше существованіе, какъ свободнаго народа, которое выжимало силы Франціи почти до высшаго напряженія человѣческихъ силъ и терпѣнія настолько, что страдало образованіе и благосостояніе ея народа. Достаточно того, что сейчасъ Парижъ представляетъ собою обѣднѣвшій и обремененный налогами городъ. И этотъ постоянный страхъ передъ вооруженной силой Германіи заставилъ Францію войти въ союзныя соглашенія, впутаться въ дѣла, которыхъ иначе они могли бы избѣгнуть. Не будемъ пытаться отрицать величія Германіи и важности ея заслугъ передъ наукой, искус-

ствомъ, литературой и всѣмъ, что цѣнно для человѣческой жизни. Но вѣдь пагубныя вліянія могутъ бросить свою тѣнь на лучшіе народы, и поэтому мы видимъ, что послѣ побѣдъ 1871 года Германію обуяло преклоненіе передъ матеріальною силой и славой, она пренебрегла всѣмъ прямодушнымъ и честнымъ, стала угрожать всему міру, угнетая его. Создалась пропаганда цинизма и національной грубости, открыто допускалась измѣна договорамъ и ручательствамъ, вслѣдствіе чего вся Европа находилась въ тревогѣ и страхѣ. А такъ какъ между нами нѣтъ святыхъ и, конечно, въ этомъ смыслѣ святыхъ націй не существуетъ—мы озлоблялись. Между европейскими странами нѣтъ ни одной, которая не озлобилась бы подъ этой постоянной угрозой со стороны Германіи. И вотъ, наконецъ, внезапно сбылась эта угроза, и Германія воюетъ.

Изъ-за убійства, совершеннаго однимъ

изъ ея собственныхъ подданныхъ, Австрія начала войну съ Сербіей. Россія вступилась за родственную ей страну и затѣмъ съ быстротою, которой данъ былъ толчекъ годами предубѣжденія, Германія объявила войну Россіи и бросилась на Францію въ надеждѣ застать ее неподготовленной, бросилась черезъ мирную Бельгію, которой мы, англичане, поручились покровительствовать, маленькую страну, ни разу не давшую Германіи повода къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. И естественно, мы должны были воевать. Не сдѣлавъ этого, могли бы мы, англичане, когда-нибудь опять взглянуть въ глаза всему свѣту? Едва ли найдется хоть одинъ голосъ противъ нашего участія въ войнѣ? Никогда еще англійскій народъ не былъ такъ единодушенъ; съ нами вся Ирландія и совѣсть всего міра. Итакъ, теперь, когда война уже начата, мы рѣшили поставить конецъ милитаризму и поставить конецъ этотъ

навсегда. Мы не воюемъ съ цѣлью разрушенія Германіи. Англія приняла твердое рѣшеніе пресѣчь появленіе новыхъ «побѣжденныхъ провинцій», которыя могли бы омрачить будущее Европы. Что бы ни случилось, вся нѣмецкая Германія должна выйти изъ этой войны нераздѣленною и только нѣмецкою. Быть можетъ, ей придется отказаться отъ личныхъ старыхъ «побѣдъ» въ Польшѣ и отъ другихъ подвластныхъ провинцій, но это наибольшее изъ того, что мы будемъ съ нея требовать. Съ прибавленіемъ къ ней Австріи, Германія можетъ выйти изъ этой войны даже съ болѣе расширенной территоріей, чѣмъ это было въ началѣ. Мы не питаемъ ненависти ко всему германскому и германскому народу. Но наша цѣль—уничтоженіе этой ужасной воинствующей машины, бывшей такимъ бременемъ для каждой Европейской страны, о которомъ прирожденные американцы не имѣютъ предста-

вленія. Мы воюемъ съ тѣмъ, чтобы пресѣчь кайзеризмъ и круппизмъ навсегда и навсегда! Въ этомъ кратко и открыто выражается наша цѣль. Теперь перейдемъ къ непосредственной сущности этого воззванія.

Мы не просимъ васъ о военной помощи. Сохраняйте миръ, представляющій собою вашу несравнимо-счастливую судьбу, которой вы можете наслаждаться такъ свободно. Но сохраняйте его честно. Помните, что мы воюемъ теперь за свое національное существованіе и что сейчасъ этой ночью, когда я пишу, въ ста миляхъ отсюда или около того, темныя суда ощупью отыскиваютъ свой путь между плавучихъ минъ, которыя германцы разбросали по Сѣверному морю, а наши сыновья плечо къ плечу съ сыновьями Бельгіи и Франціи и не сотнями, и не тысячами, а сотнями тысячъ, рядъ за рядомъ, линія за линіей идутъ на смерть. Даже пока я

допишу эти строки, жатва смерти будетъ уже снята. Помните о нашемъ трагическомъ положеніи. Европа исполнена безрадостнаго рѣшенія пресѣчь это зло навсегда; печально и мрачно погружается она въ жестокіе ужасы войны, и навѣрное раздастся мало радостныхъ возгласовъ въ честь тѣхъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Мы твердо вѣримъ въ то, что въ концѣ концовъ будетъ установлена новая Европа, Европа, освобожденная отъ безконечныхъ притѣсненій, со свободною Польшею, свободною Финляндіей, свободною Германіей, умиротворенными Балканами, съ мелкими націями въ безопасности и обезпеченнымъ для всѣхъ миромъ. Итакъ, въ высшей степени важенъ для насъ вашъ отвѣтъ на вопросъ, — что намѣрены вы сдѣлать во время войны и по ея окончаніи?

Мы слышимъ здѣсь, въ Англіи, объ одномъ вашемъ намѣреніи, которое и побу-

дило меня къ настоящему воззванію, такъ какъ предполагаемое вами не только странно само по себѣ, но можетъ послужить поводомъ для дальнѣйшихъ подобныхъ идей. Будь что будетъ, но всѣ либеральныя силы въ Англіи и Франціи постановили уважать свободу Голландіи. Но положеніе Голландіи въ этой войнѣ, какъ вы можете видѣть на картѣ, исключительно. Рейнъ течетъ вдоль тыла германской линіи въ видѣ канала, обслуживая эту линію доставкой продовольствія. Черезъ Голландію она впадаетъ въ море. Такимъ образомъ, для всякой нейтральной страны, какъ вы, возможно направить притокъ продовольствія и военныхъ матеріаловъ черезъ Голландію почти вплоть до германской боевой линіи. Даже въ случаѣ нашихъ побѣдъ это обстоятельство весьма понизитъ наши шансы для желательнаго завершенія этой войны. Но мы будемъ это переносить; снабженіе продовольствіемъ — Германіи

право Голландіи, и мы не можетъ этого предотвратить безъ нарушенія международныхъ правъ, въ чемъ виновна Германія, вторгшись въ Бельгію. Вотъ пунктъ, гдѣ ваша роль начинается. Въ вашихъ гаваняхъ стоитъ множество германскихъ судовъ, не осмѣливающихся выйти въ море изъ страха передъ нашимъ флотомъ.

Какъ мы слышали вами предположено купить эти суда, облегчивъ спеціальнымъ узаконеніемъ ихъ переходъ подъ вашъ флагъ, затѣмъ нагрузить ихъ провизіей, военными матеріалами и послать черезъ Атлантическій океанъ и моря, — которыя мы очистили отъ германскихъ минъ цѣною нашего крейсера и многихъ жизней,—съ цѣлью доставить грузъ въ Роттердамъ и снабдить имъ нашихъ враговъ. Сознаюсь это ловкій замыселъ: однимъ ударомъ онъ дастъ вашему народу не только огромную непосредственную выгоду, но и торговый флотъ; конечно, это затянетъ войну и при-

ведетъ къ десяткамъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ молодыхъ воиновъ Германіи, Англіи, Франціи и Бельгіи, чего при иныхъ условіяхъ они могли бы избѣгнуть. Да, это въ вашихъ законныхъ правахъ, и мы прямо скажемъ вамъ, что мы откажемся спорить съ вами по поводу этого, но мы попросимъ васъ не обидѣться на насъ, если мы не выкажемъ достаточно восторга передъ этой идеей.

Приступая къ подобному предпріятію, что намѣреваетесь вы сдѣлать для человѣчества и окончательнаго умиротворенія всего міра? Вы знаете, что русскій Царь обѣщалъ возсоединить разорванную Польшу въ свободное королевство, но должно быть вамъ неизвѣстно, что онъ и Англія условились уважать и охранять одинъ отъ другого какъ и отъ всего свѣта автономіи Швеціи и Норвегіи, а также и огромныя соблазнительныя минеральныя богатства Швеціи, лежащія близъ русской границы.

И мы убѣждаемъ васъ вѣрить обѣщаніямъ Царя и быть готовыми помочь какъ намъ, такъ Франціи и Ему въ осуществленіи этихъ рѣшеній относительно Скандинавіи. Это не только обѣщаніе Россіи, но и наше. Настоящая война не только война армій, это война огромнаго нравственнаго подъема, и вы не должны судить о мудрости нынѣшней Европы на основаніи исторіи ея дипломатіи. По окончаніи войны вся Европа будетъ кричать о разоруженіи. Поможете ли вы намъ тогда или заглушите этотъ крикъ? Мы постараемся потушить въ Европѣ эту гнусную частную торговлю орудіями войны, этотъ «Круппизмъ»—корень ужаснаго бѣдствія,—но мы не будемъ въ состояніи сдѣлать, если вы не поможете намъ. Готовы ли вы къ этому? Готовы ли вы вступить въ конференцію по окончаніи этой войны, или вы намѣреваетесь стать въ сторонѣ, увеличивая наши трудности въ этой міровой путаницѣ, хва-

таться за выгоды, критиковать нашихъ союзниковъ, будучи сами въ полной безопасности и, быть можетъ, въ критическій моментъ этой борьбы затѣять съ нами споръ по какому-нибудь второстепенному вопросу?

Намѣрены ли вы сыграть роль сильной густонаселенной державы, возбуждаемой возможностью удачной торговой сдѣлки или намѣрены вы сыграть роль великой націи въ борьбѣ цивилизацій стараго міра не на жизнь, а на смерть? Приготовились ли вы взять на себя предводительство среди тѣхъ націй, на которыя указываютъ вамъ размѣры вашей страны и ваша свобода? Не въ защиту себя обращаемъ мы къ вамъ это воззваніе, но въ защиту всего будущаго человѣчества. И мы это дѣлаемъ съ полной увѣренностью, такъ какъ ваше правительство уже стало на сторону мира и соблюденія трактатовъ, заключенныхъ противъ пошлыхъ денежныхъ выгодъ. Раны нашихъ жертвъ уже взываютъ къ вамъ.

X.

Здравый смыслъ и балканскія государства.

Балканскія государства никогда не были проблемой, но являлись только ея частью. Вотъ почему до сихъ поръ ни одно человѣческое существо не представляло себѣ даже бумажнаго рѣшенія, пріемлемаго для другого. Попытка устроить балканскія дѣла, оставивъ Австро-Венгрію внѣ этой задачи, походила на попытку имѣть дѣло со множествомъ больныхъ, когда голова и плечи одного паціента, ноги другого и животъ третьяго должны быть оставлены безъ вниманія. Большая часть сербскаго народа и масса румынъ были подданными Австро-Венгріи, и это было австрійскою преградой для какого бы то ни было развитія Сербіи по направленію къ Адріатикѣ, какъ и пред-

метомъ вовлеченія этой страны въ неудачный конфликтъ съ Болгаріей. Теперь все измѣнилось. Англійскій народъ не долженъ болѣе тревожиться относительно австрійской чувствительности: и не только наши интересы, но наши неотложныя нужды идутъ заодно съ разумнымъ честолюбіемъ четырехъ балканскихъ націй.

Начнемъ съ устраненія того вздора, какой говорится и признается многими относительно двухъ этихъ государствъ.

Слишкомъ часто и много принято говорить и писать относительно Сербіи и Болгаріи въ томъ духѣ, будто бы это безнадежно варварскія и преступныя націи, неспособныя раздѣлить и принять дружбу европейскихъ народовъ. Убійство покойныхъ короля и королевы сербскихъ, преступленіе въ Сараевѣ, безумное нападеніе Болгаріи на Сербію, приведшее къ уничтоженію Балканскаго союза, безконечныя жестокости и варварства смутъ войны въ

Македоніи—вѣсятъ слишкомъ много противъ ясной необходимости возсоединенной великой Сербіи, возстановленной Болгаріи и противъ разумной перспективы реабилитированнаго Балканскаго союза. Сейчасъ нельзя преодолѣть ясныхъ фактовъ этихъ преступленій и жестокостей, но ихъ нужно судить въ надлежащей соразмѣрности съ ужаснымъ исходомъ, который стоитъ передъ всѣмъ свѣтомъ.

Численность сербскаго народа составляетъ больше десяти милліоновъ, румынъ столько же, поляковъ — болѣе двадцати милліоновъ, балгаръ—около семи, чеховъ и словаковъ—шесть или семь милліоновъ, мадьяры превышаютъ десять милліоновъ, русинъ, находящихся подъ контролемъ Австріи—пять. Очевидно для всякаго разумнаго человѣка, что очень немного изъ этихъ шестидесяти или семидесяти милліоновъ могутъ быть соціально и политически довольны до тѣхъ поръ, пока они

не освободятся отъ подчиненія чуждымъ правителямъ, говорящимъ на непривычныхъ языкахъ; одинаково очевидно и то, что пока они не будутъ разумно удовлетворены—миръ остальной Европы будетъ ненадеженъ. Такимъ образомъ—отъ этихъ странъ зависитъ миръ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи.

Слѣдовательно, вопросъ жизни сотенъ милліоновъ людей долженъ быть затронутъ, въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ, здравымъ измѣненіемъ и умиротвореніемъ южно-восточной Европы. Въ этомъ разумномъ измѣненіи карты Европы и умиротвореніи ея мы имѣемъ дѣло съ такими огромными событіями, что значеніе убійства одного лица или убійство другого уменьшается до полнаго исчезновенія. Это дѣйствительно нелѣпо, что убійство недалекаго молодого короля, который подчинилъ судьбы своей націи романтической любовной исторіи, убійство, совершенное не цѣ-

лой націей и даже не толпой, но меньше чѣмъ сотнею офицеровъ, которые были по крайней мѣрѣ настолько патріотичны, насколько и жестоки; что даже конспиративная сѣть, убившая эрцгерцога Франца-Фердинанда,—должны стать на пути освобожденія и союза милліоновъ сербовъ, невинныхъ въ этихъ событіяхъ какъ невиненъ какой-нибудь англійскій фермеръ!

Всѣ націи имѣли свои преступныя и кровавыя фазы; британцы и американцы, которые такъ ужасаются политическими убійствами въ Сербіи и Болгаріи, должно быть, совершенно не знаютъ исторіи Шотландіи и Ирландіи и еще болѣе мрачной стороны судьбы краснокожихъ. Если преступная конспирація была затѣяна въ Сербіи, развѣ не было никакихъ феніевъ въ Ирландіи и Америкѣ? Мы, англичане, во всякомъ случаѣ не допустили, чтобы хорошо организованныя убійства въ Фениксъ-Паркѣ навсегда омрачили свободу Ирландіи или со-

здали войну съ Америкой. Чѣмъ скорѣе мы, англичане и американцы, освободимся отъ этого обвиненія цѣлаго сербскаго народа изъ - за нѣсколькихъ событій, неизбѣжныхъ при состояніи варварскаго возмущенія, тѣмъ скорѣе мы будемъ въ состояніи помочь ему проложить себѣ путь къ свободѣ и безопасности, которыя однѣ могутъ сдѣлать невозможными подобныя варварства. Съ такой же логичностью можно было обречь на вѣчное презрѣніе и безжалостную месть весь семидесятимилліонный народъ, говорящій по-нѣмецки, изъ-за пожаровъ и убійствъ въ Льежѣ.

Порабощенныя націи, оскорбленные народы—это крѣпость для мстительной жестокости. Нынѣшняя война вовсе не синематографическая мелодрама. Смерть королевы Драги и эрцгерцога Франца-Фердинанда, едва ли входятъ въ эту картину. Обязанность государственной власти не мстить за

прошлое, а заняться возможностями настоящаго и надеждою будущаго.

Намъ представляется сейчасъ полная возможность возстановить Балканскій союзъ и слиться въ одно съ разумными надеждами этихъ возрожденныхъ народовъ. Въ этомъ Англія можетъ сыграть активно — направляющую роль. Уничтоженіе перваго Балканскаго союза было глубокимъ огорченіемъ для всего либеральнаго мнѣнія міра, но это не было непоправимымъ бѣдствіемъ. Предметомъ удивленія былъ, конечно, не разрывъ, а союзъ. Въ большой степени причиной разрыва было несчитаніе съ Сербіей, проявленное не столько ея союзниками, сколько Австріей. Сейчасъ Австрія уже внѣ обсужденія. Для Румыніи и для каждаго изъ трехъ Балканскихъ государствъ существуетъ ясное, уважительное и разумное преимущество въ общемъ согласіи и согласованныхъ съ нами дѣйствіяхъ. Очевидны компенсаціи для Грецій въ Эпирѣ,

островахъ, а также и Кипрѣ, безъ котораго мы можемъ обойтись.

Болгарія удовлетворится щедрой ректификаціей границъ Македоніи. На естественное расширеніе двухъ сѣверныхъ государствъ было уже указано. Если же Турція будетъ настолько безумной, что впутается въ этотъ кризисъ—тогда дальнѣйшія естественныя и вполнѣ желательныя возстановленія будутъ вполнѣ возможны. Причины, задерживающія эти государства отъ согласованнаго дѣйствія съ нами, заключаются только въ сомнѣніяхъ и взаимной враждѣ, оставшихся послѣ распаденія перваго Балканскаго союза. Неохотно станутъ они снова довѣрять другъ-другу. Но они должны бы вѣрить Англіи. Они должны были бы присутствовать на конференціи, которая была бы представлена Англіей, Россіей и Италіей; имъ эти три державы дали бы гарантіи прочнаго разрѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ и въ одинъ день

детально установилибы ихъ будущія границы. Они установили бы миръ срокомъ на сто лѣтъ. Англія могла бы сдѣлать больше этого примиренія, она могла бы участвовать въ финансовомъ вопросѣ. И, такимъ образомъ, войска, направленныя на Вѣну и германскій тылъ, были бы увеличены немедленно шестью или семью сотнями тысячъ испытанныхъ солдатъ.

Вдобавокъ, едва ли возможно, чтобы Италія могла отказать вмѣшаться въ войну, еслибъ вновь образованный Балканскій союзъ поступилъ такъ. Съ сербами въ Далмаціи едва ли было бы возможно держать итальянцевъ внѣ Тріеста и Фіуме, и задолго передъ тѣмъ, какъ настойчиво ожидаемая русская лавина проложила бы себѣ путь къ Берлину, — Вѣна была бы окружена съ юга. То время, когда намѣренія этой войны могли бы быть ограничены, прошло давно, и каждый новый солдатъ, вступающій теперь въ ряды—сокращаетъ медлительность Европейской агоніи.

Однако, не вопросомъ о непосредственныхъ военныхъ выгодахъ сейчасъ я наиболѣе озабоченъ. Балканскій союзъ мира для взаимной защиты абсолютно необходимъ для преобразованной Европы. Это необходимо, если англійскій фермеръ долженъ пасти свое стадо въ покоѣ; если народъ долженъ благоденствовать въ Чикаго или Іокогамѣ. Можетъ быть, „Балканскій союзъ“ — недостаточно растяжимое слово, разъ Румынія находится уже не на Балканскомъ полуостровѣ и Италія должна быть необходимо привлечена къ какому-нибудь продолжительному соглашенію. Но ясно, что переустройство Европы по либеральному плану заключаетъ въ себѣ созданіе этихъ разнообразныхъ государствъ съ населеніемъ отъ десяти до двадцати милліоновъ, изъ которыхъ ни одно не достаточно могущественно для того, чтобы обезпечить себя безъ помощи другого, но въ совокупности достигаетъ величайшей

власти въ Европѣ; также ясно и то, что они должны быть связаны нѣкоторой общею связью и соглашеніемъ.

Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ очень серьезныхъ осложненіяхъ всѣхъ этихъ возможностей благодаря наскоро построеннымъ династическимъ интересамъ, которые, къ несчастью, были преувеличены въ этихъ новыхъ государствахъ. Очень печально то, что мы должны считаться не только съ народами, но и съ королями. Монархія, подобная Сербской и Болгарской, суживаетъ національное чувство, представляя его въ ложномъ свѣтѣ. Національная ненависть и честолюбіе временами могутъ оказать враждебное вліяніе на міровыя дѣла, но причина, которая приводитъ эти неопредѣленныя и обширныя намѣренія къ краю бездны кризиса заключается въ алчности и тщеславіи отдѣльныхъ монарховъ— Наполеоновъ, Фридриховъ Великихъ и т. д.

Эти же самыя сосредоточенныя и сверх-

индивидуализированныя намѣренія, эти маленькіе боги монетъ и почтовыхъ марокъ станутъ поперекъ дороги разумнымъ союзамъ типа Швейцаріи и будутъ мѣшать умиротворенію южно-восточной Европы. Чѣмъ яснѣе представленіе о нихъ въ Европѣ, тѣмъ менѣе они ей нравятся, и тѣмъ менѣе они будутъ способны препятствовать разумному переустройству. Мы полагаемъ, по крайней мѣрѣ, что это война націй, но не властелиновъ.

По этой причинѣ мы должны обсудить всѣ эти національныя соглашенія такъ открыто и публично, какъ только возможно. Это дѣло не для спокойной кучки дипломатовъ, и мало подходящій случай для королей. Всѣ цивилизованные народы на землѣ должны составить идею главныхъ границъ, по которымъ миролюбивая Европа можетъ быть установлена, идею ясную и достаточно могущественную для того, чтобы предотвратить и опередить маневры

канцеляріей. Націи сами должны стать охранителями общаго мира. Италія уже представляетъ такой случай: сильная и либеральная итальянская монархія обезпечена довѣріемъ своего народа, но еслибъ даже дѣло не обстояло такъ, то совершенно ясенъ тотъ фактъ, что никакая измѣна ея правителей не могла бы вовлечь итальянцевъ въ войну противъ Франціи въ интересахъ Австріи и Пруссіи. Я сомнѣваюсь также, чтобы настоящій болгарскій король могъ опять ошибиться. Міръ упорно отходитъ прочь отъ фазы націонализма, централизующагося при дворѣ, къ фазѣ коллективнаго національнаго намѣренія. Вся сила западнаго либерализма должна склониться на сторону этого движенія, и ни одно направленіе настоящаго времени не можетъ сдѣлать ея силу наиболѣе дѣйствительною, какъ направленіе открытаго и энергичнаго поощренія новаго великаго Балканскаго союза.

XI.

Война идей.

Всѣ явленія настоящей войны—явленія идейныя. Причина ея — конфликтъ культуръ. Все страданіе, великое какъ самъ міръ, все отвращеніе, страхъ, всѣ тревоги, кровопролитія и разрушенія, груды разорванныхъ тѣлъ людей и лошадей, зловоніе гніенія, нищета сотенъ милліоновъ человѣческихъ существъ, истребленіе человѣчества—все это только реальныя послѣдствія лживой философіи и безумнаго образа мыслей. Мы воюемъ не съ цѣлью уничтоженія націи, но гнѣзда вредныхъ идей.

Мы воюемъ по той причинѣ, что цѣлая нація одержима спесью и лицемѣріемъ цинизма, тщеславіемъ насилія, вредными

внушеніями кучки ея третьестепенныхъ писателей въ родѣ Гобино и Стюарта Чемберлэна, соблазняющихъ ее идеей объ ея особенномъ превосходствѣ и миссіи мірового господства; мы воюемъ по той причинѣ, что она соблазнилась легкими побѣдами хитрости и обмана, поддерживаемаго такими личностями, какъ Дельбрукъ и Бернарди, и кривляньями кайзера, подъ возбуждающія пѣсни о «Deutschland» и Рейнѣ. Этихъ явленій, переплетенныхъ съ торговою дѣятельностью трестовъ вооруженія, общимъ тщеславіемъ и слабостью неразмышляющихъ людей, было достаточно для того, чтобы допустить это бѣдствіе, важность котораго мы еще не можемъ измѣрить. И позади всего этого находятся подстрекающія торговцы идеями, пошлые писатели, претенціозные мелкіе профессора въ сюртукахъ и бумагомаратели полковники. Они олицетворяютъ собою идею. Они указываютъ путь и на-

шептываютъ: «Иди»! Они ведутъ міръ къ катастрофѣ . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

А дѣйствительная цѣль находится передъ человѣчествомъ далеко за боевой линіей ужаснаго дѣла дискредитированія и противодѣйствія этимъ нелѣпостямъ посредствомъ военныхъ судовъ, артиллеріи, винтовокъ, крови и мужества семи милліоновъ людей. Дѣйствительная цѣль человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы образумить этихъ германцевъ, внушить противоположныя идеи всему человѣчеству и закончить не только войну, но и ея идею. Что сдѣлали печать, писаніе и слово — тѣ же печать, писаніе и слово должны уничтожить.

Винтовки только убиваютъ людей, а другіе люди рождаются для того, чтобы слѣдовать за ними.

Наша цѣль—убить идеи. Конечная же

цѣль этой войны—пропаганда, уничтоженіе однихъ вѣрованій и созданіе другихъ. Къ этой пропагандѣ должны обратиться люди съ здравымъ смысломъ.

Упоминая слово пропаганда, я ни минуты не подразумѣваю той, съ которой связано имя Нормана Энджеля, этого великаго современнаго проповѣдника о томъ, что война „невыгодна".

Безъ сомнѣнія, это единственно порядочная и привлекательная вещь, которая еще можетъ быть сказана о войнѣ. Ничто цѣнное въ жизни не бываетъ выгодно. Люди живутъ, чтобы платить за невыгодныя вещи. Любовь не оплачиваема, искусство и счастье тоже, честность не есть самая лучшая тактика, щедрость вызываетъ неблагодарность скупыхъ. Итакъ, что же хорошаго въ этомъ торгашескомъ аргументѣ? Онъ возмущаетъ всѣхъ порядочныхъ людей. Доходна ли война, нѣтъ ли, но она отвратительно безобразна, жестока,

она разрушительница лучшихъ человѣческихъ цѣнностей. Выгодна ли война, нѣтъ ли, но она отвратительно безобразна, жестока, она разрушаетъ всѣ лучшія человѣческія цѣнности. Станетъ ли заботиться объ этомъ вопросѣ тотъ, кто подумаетъ о той упрямой бельгійской крестьянкѣ, которая была распрошена и затѣмъ убита наглымъ германскимъ офицеромъ или о тихо хнычущей кучкѣ дѣтворы въ бѣдной лачужкѣ, разнесенной гранатой? Даже если война будетъ давать двадцать съ половиною процентовъ годовыхъ за каждый фунтъ, потраченный для ея веденія, развѣ это уменьшитъ то отвращеніе, которое испытываетъ къ ней всякій порядочный человѣкъ? А между тѣмъ это скука. Невыносимая скука. Война и ея приготовленія, налоги, обученіе столкновенія съ каждой свободной дѣятельностью, тиски, окаменѣніе жизни, подчиненіе людямъ третьяго разряда въ формѣ, тошнотворнымъ олицетвореніемъ

которыхъ являются берлинскіе германоманы, все это сдѣлалось невыносимой тяжестью и безпокойствомъ для всего человѣчества. Ни Бельгія, ни Франція, ни Англія не воюютъ изъ-за славы или выгоды. Я не думаю, чтобы и Россія руководилась этимъ. Я думаю, что всѣ мы воюемъ въ пылу ожесточенія, потому что, наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ разоренія и стараній предотвратить войну, мы должны были такъ поступить.

Наша обида—обида каждаго порядочнаго германца, любящаго жизнь, каждой германской матери и невѣсты, которая видитъ близкаго ей человѣка уходящимъ навстрѣчу тяжелымъ лишеніямъ, увѣчьямъ и смерти, подъ руководствомъ его некомпетентнаго начальства. Итакъ, цѣль нашей пропаганды противъ прусской идеи не представляетъ собою пошлой аргументаціи выгоды, но это—воззваніе къ здравому смыслу и человѣколюбію. Мы должны про-

вѣтрить головы германцевъ и поддержать ясность взглядовъ въ нашемъ народѣ. Въ особенности нужно отклонить нашъ народъ отъ мечты о выгодѣ, отъ мечты «Войны противъ германской торговли». Мы должны повторить опять и опять наше окончательное рѣшеніе, что послѣ войны ни одна европейская держава никогда болѣе не будетъ производить давленія на другую или на ея языкъ. Что же касается иллюстрацій — то мы хотимъ не тѣхъ геніальныхъ преобразованій фигуръ, которыя захватываютъ воображеніе Энджеля, а помѣщенныхъ въ журналахъ фотографій кайзера въ блескѣ славы, фотографій длиннаго несмысленнаго профиля кронпринца, фотографій этого большого оригинала Круппа, наслаждающагося на Капри, а рядомъ съ ними тѣ фотографіи, которыя съ безжалостной правдивостью показываютъ намъ убитыхъ и разорванныхъ людей на полѣ битвы, увѣчныхъ и убитыхъ жен-

щинъ и мужчинъ, сожженные дома и всѣ гнусности войны, доведенныя до послѣдняго предѣла. И все это должно будетъ ясно говорить умамъ германцевъ, американцевъ, французовъ, англичанъ, шведовъ, русскихъ и итальянцевъ, каково наше обшее зло, которое должно быть уничтожено хотя бы цѣною нѣкоторыхъ правительствъ. Теперь какимъ образомъ наша литература должна быть распространяема? Какъ доберемся мы до простого населенія странъ Западной Европы съ этими объясненіями, этими гарантіями, этими внушеніями, необходимыми для надлежащаго конца этой войны? Я желалъ бы, чтобы наше правительство было способно на что-либо болѣе опредѣленное, чѣмъ: «Поживемъ — увидимъ!», я желалъ бы имѣть такое правительство, которое осмѣлилось бы сознаться въ своихъ намѣреніяхъ всему міру. Такъ какъ то, что говоритъ правительство, слышитъ весь міръ. Къ королю Георгу при-

слушивается тысяче-милліонный народъ. Если бы ему было угодно высказать просто и ясно, изъ-за чего мы воюемъ и чего мы ищемъ, его голосъ былъ бы услышанъ всѣмъ міромъ. Никакой другой голосъ такъ же не слышенъ, какъ его голосъ. Онъ сказалъ намъ, что наблюдаетъ войну съ громаднымъ интересомъ, но этого не достаточно. Мы должны догадываться объ остальномъ, зная его пониманіе. Какъ нація, мы нуждаемся въ такомъ выраженіи нашихъ намѣреній, которое достигло бы нашихъ противниковъ. Но наше правительство, боюсь, одно изъ тѣхъ, которыя подчиняются только необходимости, оно очень не склонно къ изобрѣтательности; поэтому зависитъ отъ насъ, стоящихъ внѣ формальнаго правительства и представляющихъ волю и намѣренія нашей націи, взяться за эту работу. Съ помощью пропаганды въ книгахъ, газетныхъ статьяхъ, листкахъ, брошюрахъ на англійскомъ,

французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, датскомъ, шведскомъ, норвежскомъ, итальянскомъ, китайскомъ и японскомъ языкахъ мы должны распространить и одухотворить настоящую войну той идеей, что она должна кончить войну. Мы должны создать широкую общую концепцію новой и умиротворенной Европы, освобожденной отъ гнусной опасности частной торговли оружіемъ, обезоруженной и ручающейся за взаимную охрану.

Эта концепція дрогнула во многихъ умахъ, были уже необычайныя и возможныя предположенія для ея реализаціи въ видѣ аэроплановъ, разбрасывающихъ листки по Германіи, армій, раздающихъ брошюры по мѣрѣ ихъ движенія, военноплѣнныхъ, нагруженныхъ подобной литературой и т. д. Эти идеи, конечно, заключаютъ въ себѣ всѣ нелѣпости новшества, но въ другихъ отношеніяхъ они не нелѣпы. Многимъ военнымъ они покажутся не по-

добающими, но міръ уже возсталъ противъ знаменъ военщины.

Никогда еще міръ такъ ясно не видѣлъ роль идеи въ созданіи войны. Эта новая концепція влечетъ за собой выводъ совершенно новой кампаніи.

Какъ можемъ мы повліять на умы нашихъ враговъ? Какія объясненія могутъ быть болѣе могущественны, чѣмъ сами войска и флотъ? Такъ какъ не хватаетъ внятнаго намъ голоса во главѣ нашей страны—мы должны искать звучнаго призыва, въ которомъ нуждаемся, въ другихъ мѣстахъ. Мы смотримъ на церковь, которая въ проповѣдяхъ своихъ говоритъ о Царѣ Мира.

Въ Англіи, за исключеніемъ самаго незначительнаго кроткаго протеста противъ всякаго рода войны со стороны горсточки квакеровъ, христіанство сохраняетъ молчаніе. Его всемірная, вездѣсущая организація не даетъ намъ послѣдовательныхъ

связныхъ совѣтовъ. Его работники большей частью погружены въ добросовѣстное производство фланелевой одежды и чрезмѣрнаго количества теплыхъ носковъ для раненыхъ.

Интересно пойти и взглянуть теперь на всякую приходскую церковь, на кафедру, на всякія удобства для молящихся, на воззванія, расклеенныя на дверяхъ, посидѣть немного на каменной стѣнѣ возлѣ могилъ, осмотрѣть комфортабельный домъ приходскаго пастора и поразмыслить надъ тѣмъ, что все это только частичное отраженіе всемірной вездѣсущей организаціи распространенія идей, что во всей Европѣ есть подобныя кафедры, возможности сборищъ и бесѣдъ и что это не приводитъ ни къ какому результату, ничего не достигаетъ и не имѣетъ, что сказать.

Мирную патріотическую сентиментальность она высказываетъ вслухъ, но для дѣла—ничего. Странно, будучи въ живыхъ

и сидя на солнышкѣ, думать о томъ, какъ трагически подобная же идея посѣтила другую мысль въ Европѣ.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль произошло нѣсколько событій интенсивно символическаго значенія; такъ напримѣръ убійство Жореса; но ничто изъ происшедшаго не представляется мнѣ болѣе чудеснымъ и трогательнымъ, какъ смерть папы, вѣрнаго, честнаго и простого старика. Война и ея тревоги омрачили его последніе часы. «Когда-то церковь могла пресѣчь это», сказалъ онъ, съ сознаніемъ упущенныхъ изъ рукъ нитей и ускользнувшей власти вліянія и, можетъ быть, также съ сознаніемъ того, что это его оживившееся желаніе помочь—было обезкуражено и отклонено.

Въ «Трибунѣ» разсказывается, если не дѣйствительная, то чудесно придуманная исторія о томъ, какъ австрійскій представитель пришелъ просить папу благосло-

вить австрійскую армію. Папа сдѣлалъ видъ, что не слышитъ или, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ не слышалъ. Австріецъ повторилъ свою просьбу опять, и папа опять отвѣтилъ ему молчаніемъ. Наконецъ при третьемъ вопросѣ, когда папа уже болѣе не могъ молчать, у него вырвалось: «Нѣтъ! Благословеніе миру!» Передъ смертью, онъ пользовался послѣдними ясными моментами, чтобы составлять телеграммы, которыя могли бы пріостановить приближающійся гигантскій крахъ, а въ предсмертномъ бреду онъ оплакивалъ войну и безсиліе церкви.

Интеллектъ безъ вѣры—дьяволъ, но вѣра безъ интеллекта — это равнодушный ангелъ съ заржавленнымъ оружіемъ. Европейская катастрофа это трагедія слабой, хотя и прямодушной воли. Мы начинаемъ понимать, что быть правымъ и безвольнымъ или правымъ и презрительно молчащимъ, или правымъ, но воздерживаю-

щимся отъ конфликта—значитъ быть неправымъ. Правота должна быть настолько ясной, насколько и дѣйствующей; она должна дѣлать свое правое дѣло съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ это дѣлаетъ творящій зло.

Врядъ ли сейчасъ въ христіанствѣ имѣетъ значеніе тотъ христіанинъ, который не пропагандируетъ мира, который сейчасъ не политикъ. Не стоитъ вѣры тотъ либерализмъ, который только критикуетъ образъ нашего вмѣшательства въ борьбу, цѣль которой коренное измѣненіе мира. Мы должны не только призывать миръ, но искать, указывать и организовать путь къ нему.

Подумавъ о правительствѣ, церкви и прессѣ, мы обращаемся къ нѣкоторымъ другимъ источникамъ умственнаго вліянія, вспоминая организаціи, открыто преданныя идеѣ мира. Гаага молчитъ. Такъ называемое движеніе въ пользу мира собра-

ло достаточно средствъ, располагаетъ достаточными силами для того, чтобы сдѣлать что нибудь получше ихъ слабой воркотни по поводу факта войны.

Что дѣлаетъ сейчасъ это движеніе и его организаціи? Девяносто девять процентовъ всего населенія Европы оплакиваетъ войну. Для этого не требуется спеціально предназначенныхъ обществъ. Они проповѣдуютъ передъ новообращеннымъ миромъ. Вопросъ въ томъ, какъ пресѣчь и предотвратить возвращеніе войны. Но доискивались ли когда нибудь эти сторонники мира тайныхъ источниковъ войны, заглядывали въ глубину силъ, ведущихъ войну для войны, побезпокоились ли изучить способы захвата ея и подчиненія? Вся Германія скрѣплена военнымъ духомъ и вооружена болѣе всего остального міра. Пока идеи Германіи не будутъ измѣнены, не можетъ быть надлежащаго мира на землѣ. Но это, кажется не безпокоитъ

профессіональнаго адвоката мира разъ онъ можетъ кричать «миръ» и жить гдѣ-нибудь вполнѣ комфортабельно, съ удобнымъ чувствомъ сознанія своего высшаго разногласія съ общимъ волненіемъ.

Какимъ способомъ должны мы собрать въ одно воли и пониманіе людей для удовлетворенія неотложной необходимости и благопріятныхъ случаевъ настоящаго времени? Мысль, слово, настойчивость, не прекращаемый призывъ ясныхъ намѣреній, ясныхъ установленій для разсѣянія подозрѣній, тайны и обмана; вотъ въ чемъ должна заключаться работа для каждаго, кто пишетъ, говоритъ и имѣетъ хоть самое незначительное вліяніе на другого. Этотъ чудовищный конфликтъ, кровопролитіе, голодъ, разореніе, паника, ненависть, ложная гордость—все это реально только въ потемкахъ мысли. Но вмѣстѣ съ пониманіемъ это все исчезнетъ, какъ сонъ послѣ пробужденія, и никогда не исчезнетъ,

пока не придетъ пониманіе. Все это продолжается по той причинѣ, что всѣ мы, имѣющіе голосъ, обязанные развивать и разъяснять мысль, сами такъ безпорядочны, что хотя мы и дѣлаемъ усилія для перелома—а все же до сихъ поръ не имѣемъ силы открыть того свѣта, который могъ бы спасти насъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль были такіе моменты, когда жизнь казалась кошмаромъ на яву; однимъ изъ тѣхъ ледяныхъ кошмаровъ, когда спасеніе кажется недостижимымъ, когда нельзя двинуться и звукъ замираетъ въ горлѣ.

Собранія сочиненій.

Ш. Я. Абрамовичъ. (Менделе - Мойхеръ - Сфоримъ). Собраніе сочиненій.

Т. 1. Въ долинѣ плача. Ром. Ч. I, ц. 1 р.
„ 2. Въ долинѣ плача. Ром. Ч. II ц. 1 р.

«Для Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ открытъ весь еврейскій міръ и, объѣзжая его, онъ разворачиваетъ передъ читателемъ огромное полотно, грандіозную панораму изъ жизни цѣлаго народа, движущагося, точно муравейникъ, по однимъ ему свойственнымъ законамъ и путямъ. Не ищите здѣсь типовъ, характеровъ. Здѣсь дано нѣчто большее: цѣлое поколѣніе, цѣлая эпоха изъ исторіи коллектива, и дано это съ потрясающимъ реализмомъ, ставящимъ васъ въ центрѣ перспективы. Здѣсь матеріальный бытъ нарисованъ съ такой обнаженностью, которая даетъ формулы и выводы научно мыслящему экономисту, картина нравовъ поразитъ этнографа, а умственный и культурный складъ дастъ неисчерпаемый матеріалъ для ученаго психолога. «Разсвѣтъ».

Шоломъ-Алейхемъ. Собраніе сочиненій. Переводъ съ еврейскаго разрѣшен. авторомъ.

Т. 1. Дѣти «черты». Кн. 1-я, 3-е изд., ц. 1 р.
„ 2. Дѣти «черты». Кн. 2-я, 2-е изд., ц. 1 р.
„ 3. Маленькіе люди. 2-е изд., ц. 1 р.
„ 4. Записки коммивояжера. 2-е изд., ц. 1 р.
„ 5. Неунывающіе, ц. 1 р.
„ 6. Похожденія неудачника, ц. 1 р.
„ 7. Въ мірѣ звуковъ. Два романа, ц. 1 р. 25 к.
„ 8. Лѣтнія услады, ц. 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати.

„Въ книгѣ Шоломъ-Алейхема найдется много весьма поучительнаго, краснорѣчиваго, во многихъ отношеніяхъ,—новаго для нашей публики". **Юрій Веселовскій.**

Германъ Бангъ, Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. Михаэль. Ром., ц. 1 р.
„ 2. Его превосходительство. Ром., ц. 1 р.
„ 3. Тинэ. Ром., ц. 1 р.
„ 4. Графиня Урне. Ром., ц. 1 р.
„ 5. Погибшія мечты. Ром., ц. 1 р. 25 к.
„ 6. Романъ сестры милосердія, ц. 1 р. 25 к.
„ 7. О любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть, ц.1 р
„ 8. Четыре дьявола. Ром., ц. 1 р.
„ 9. На пути. Ром., ц. 1 р.
„ 10. Дряхлѣющій вѣкъ. Ром., ц. 1 р.

«Если итти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, о любви, о счастіи и томъ, что должно умереть».

Современный міръ, № 11, 1907 г.

Піо Бароха. Собраніе сочиненій.
Единственный разрѣш. авторомъ пер.
Т. 1. Путь къ совершенству. Ром. 1 р. 25 к.
„ 2. Красная заря. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиненій.
Т. 1. 1) Сюнневе Сольбаккенъ. (Пов.). 2. Когда цвѣтетъ молодой виноградъ. (Комедія). Ц. 1 р.
„ 2. 1) Одинъ день. 2) Волосы Авессалома. 3) Перчатка. Ц. 1 р.
„ 3. Рыбачка. Ром. Ц. 1 р.
„ 4. Единобрачіе и многобрачіе. Марія Шотландская. Банкротство. Ц. 1 р. 25 к.
„ 5. Новобрач. Леонарда Арне. Ц. 1 р.
„ 6. Молодая жизнь. Ром. Ц. 1 р.
„ 7. По Божьему пути. Ром Ц. 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати.

„Для русскаго образованнаго общества Бьернсонъ особенно интересенъ своими положительными типами, т.-е. какъ разъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ. Тѣмъ, чего наши даже самые выдающіеся писатели никакъ не могутъ создать, несмотря на всѣ свои старанія“.

Городецкій („Р. Сл.“).

Яковъ Вассерманъ. Собраніе сочиненій.
Т. 1. Золотое зеркало. Ц. 1 р. 50 к.
„ 2. Измѣна идеалу. Романъ. Ч. I. Ц. 1 р.
„ 3. Измѣна идеалу. Романъ, ч. II. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Вторая молодость. Романъ. Ц. 1 р.
„ 5. Три женщины. Новеллы. Ц. 1 р.

Вассерманъ—истинный поэтъ

Г. Брандесъ.

„Вассерманъ — мастеръ, артистъ слова. Онъ — лирикъ, умѣющій находить убѣдительныя слова для еще только зарождающихся, еще не оформившихся настроеній и чувствъ.

С. Люблинскій.

Томасъ Гарди. Собраніе сочиненій.
Т. 1. Настоящая женщина. Ром. Ч. І-я. Ц. 1 р. 25 к.
„ 2. Настоящая женщина. Ром. Ч. ІІ-я. Ц. 1 р. 25 к.

Густавъ афъ-Гейерстамъ. Полное собраніе сочиненій.
Т. 1. Комедія брака. Ром. 3-е изд. Съ вступ. статьей Ю. А. Веселовскаго. Ц. 1 р.
„ 2. Роковыя силы. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. Голова медузы. Ром. Ц. 1 р.
„ 4. 1) Вѣчная загадка. 2) Маленькій Свенъ. Два ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 5. Власть женщины. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 6. Трагедія одной жизни. Ром. Ц. 1 р.
„ 7. Мать и сынъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 8. Въ туманѣ жизни. Ром. Ц. 1 р.
„ 9. Мечты и дѣйствительность. Ром. Ц. 1 р.
„ 10. Борьба душъ. Ром Ц. 1 р.
„ 11. Братская ненависть. Ром. Ц. 1 р.

„У насъ еще сравнительно мало знаютъ шведскаго писателя Гейерстама, но вскорѣ не только узнаютъ но и полю-

бятъ. Это удивительно тонкій, нѣжный, трогательный писатель. Сочетаніе Мопассана съ Флоберомъ. Почти въ каждомъ романѣ онъ касается вопросовъ семьи и брака, вездѣ и всюду подводитъ мины подъ вѣковые предразсудки, на которыхъ бракъ этотъ покоится, но дѣлаетъ это съ удивительной мягкостью. („Утро Россіи").

Бласко Ибаньесъ. Полное собраніе соч.

Единств. разр. автор. пер.

Т. 1. Проклятый хуторъ. Ром. Ц. 1 р.
„ 2. Мертвые повелѣваютъ. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. Дикая орда. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
„ 4. Винный складъ. Ром. Ц. 1 р.
„ 5. Куртизанка Сонника. Ром. Ц. 1 р.
„ 6. Въ апельсинныхъ садахъ. Ром. Ц. 1 р.
„ 7. Толедскій соборъ. Ром. Ц. 1 р.
„ 8. Майскій цвѣтокъ. Ром. Ц. 1 р.
„ 9. Дѣтоубійцы. Ром. Ц. 1 р.
„ 10. Осужденная. Разсказы. Ц. 1 р.
„ 11. Луна Бенаморъ. Ром. Печальная весна и др. Ц. 1 р.
„ 12. Обнаженная. Ром. Ц 1 р. 50 к.
„ 13. Безшабашная жизнь. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
„ 14. Востокъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ 15. Кровавая арена. Ром. Ц. 1 р 50 к.

... „Не задумываясь мы признаемъ за литературною дѣятельностью Ибаньеса большое общественное и художественное значеніе и отводимъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ испанскихъ беллетристовъ»...

Проф **Шепелевичъ.**

„Бласко Ибаньесъ, несомнѣнно—большой и сильный писатель. Это—романистъ и творецъ типа Бальзака и Золя, съ широчайшимъ захватомъ жизни и современности, съ поразительнымъ знаніемъ самыхъ разнообразныхъ сферъ и закоулковъ общества, съ непостижимымъ для обыкновеннаго человѣка жизненнымъ опытомъ, дающимъ ему возможность создавать сотни разнородныхъ людей, при чемъ всѣ выходятъ равно автономными живыми и правдивыми".

Викторъ Гофманъ.

Марія Конопницкая. Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ.

Т. 1. На Нормандскомъ берегу. Ц. 1 р.
„ 2. Мендель Гданскій. Ц. 1 р.
„ 3. Милосердіе общины и др. Ц. 1 р.
„ 4. Панъ Бальцыръ изъ Бразиліи. Поэма Ц. 1 р. 50 к.

«Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его геніальнымъ и онъ безъ сомнѣнія достигалъ геніальности больше, чѣмъ у кого-либо. Она была могучей въ настоящемъ смыслѣ этого слова». **Казиміръ Тетмайеръ.**

Томасъ Маннъ. Собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Т. 1. Фіоренца. Фридеманъ. Жажда счастья. Ц. 1 р.
„ 2. Новеллы. Ц. 1 р.
„ 3. Семейство Будденброковъ. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Паденіе одной семьи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 5. Смерть въ Венеціи. Ц. 1 р.

Изъ отзывовъ печати.

„Томасъ Маннъ, иля вслѣдъ за Фр. Ницше, является единственнымъ развившимся въ могучую „законченную" величину".

Генрихъ Маннъ. Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. Діана. Ром. Переводъ и предисловіе прив.-доц. В. М. Фриче. 3-е изд. Ц. 1 р.
„ 2. Минерва. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 3. Венера. Ром. 2-е изд Ц. 1 р.
„ 4. 1) Мелкій бѣсъ. Романъ. 2) Мнаисъ и Джиневра. Новеллы. Ц. 1 р.
„ 5. Въ погонѣ за любовью. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ 6. 1) Чудесное. 2) Актриса. Ц. 1 р.
„ 7. Романъ изъ жизни свѣтск. людей. Ц. 1 р. 50 к.
„ 8. Мечты и жизнь. Ром. Ч. I-я. Ц. 1 р. 25 к.
„ 9. Мечты и жизнь. Ром. Ч. II-я. Ц. 1 р. 25 к.

„Едва ли какой другой писатель столько интересовался когда-либо проблемой искусства, какъ Генрихъ Маннъ. Съ первыхъ же шаговъ искусство стало одной изъ главныхъ темъ его творчества. Отношеніе жизни и искусства, ихъ взаимное и нерѣдко роковое вліяніе, типичная трагедія художника и его идеальный типъ—все это глубоко и вдохновенно отражено и разработано Манномъ".

Викторъ Гофманъ.

Леонъ Перецъ. Собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Т. 1. Изъ устъ народа. Ц. 1 р.
„ 2. Сказанія вѣрующаго. Ц. 1 р.
„ 3. Время. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Адамъ и Ева.

„Своеобразно направляетъ авторъ свое творчество. Онъ и символистъ, и реалистъ, и романтикъ, и публицистъ, тѣмъ не менѣе всюду видна глубокая любовь къ своему народу, страданія и жизнерадост. душу котораго онъ изображ. съ чуткостью тонкаго психолога, изучившаго мельчайшія проявленія человѣческой души".

Владиславъ Реймонтъ. Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Т. 1. Мужики. Части I и II. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
„ 2. Мужики. Часть III. Ром. Ц. 1 р.
„ 3. Мужики. Часть IV. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Мечтатель. Романъ. Ц. 1 р.
„ 5. Земля обѣтованная. Ром. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к.
„ 6. Земля обѣтованная. Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
„ 7. Смерть города. Ц. 1 р.

„Мужики" Реймонта, это—одно изъ самыхъ художественныхъ воплощеній „власти земли", и русскій читатель найдетъ у польскаго писателя цѣлый рядъ картинъ къ философскимъ обобщеніямъ Глѣба Успенскаго.

Л. Козловскій.

Августъ Стриндбергъ. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Исповѣдь глупца. Ром. 3-е изд. Ц. 1 р.
„ 2. Адъ. Ром. Съ предисл. В. М. Фриче. 2-е изд. Ц. 1 р.

„ 3. На шхерахъ. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 4. Утопія въ дѣйствительности. Новеллы. 2 изд. Ц. 1 р.
„ 5. Красная комната. Очерки изъ жизни художн. и писателей. Ц. 1 р. 25 к.
„ 6. Чандала. Ром. Ц. 1 р. 2-е изд.
„ 7. Готическія комнаты. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 8. Сынъ служанки. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
„ 9. Историческія драмы. Ц. 1 р. 25 к.
„ 10. Трагикомедія брака. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
„ 11. Романтичный пономарь. Разрывъ Повѣсти. Ц. 1 р.
„ 12. 1) Легенды. 2) Графиня Юлія. Ц. 1 р.
„ 13. Развитіе одной души. Романъ. Мастеръ Улофъ. Драма. Ц. 1 р. 25 к.
„ 14. Пляска смерти. Одиночество. Самумъ. Отецъ. Ц. 1 р. 25 коп.
„ 15. Черныя знамена. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

„Переводъ произведеній Стриндберга, несомнѣнно, обогатитъ русскихъ читателей знакомствомъ съ яркимъ и своеобразнымъ талантомъ. Стриндбергъ всегда силенъ и оригиналенъ. Неподдѣльный блескъ его дарованія, чуждаго модныхъ уловокъ и разсчитанныхъ эффектовъ, привлекаетъ даже тогда, когда читатель, подавленный тяжелыми картинами патологической психологіи, чувствуетъ непреодолимую потребность вырваться изъ цѣпкихъ сѣтей мизантропическаго міросозерцанія автора“.

„Современный Міръ“.

Бернаръ Шоу. Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. 1) Справочникъ Разрушителя. 2) Цезарь и Клеопатра. Ц. 1 р.
„ 2. Человѣкъ и Сверхчеловѣкъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. 1) Врачъ на распутьѣ. 2) Сила женщины. П. 1 р.
„ 4. Неразумный бракъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
„ 5. Очерки. П. 1 р. 50 к.
„ 6. Солдатъ изъ арміи спасенія. Ц. 1 р.
„ 7. Карьера одного борца. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
„ 8. У жертвенника искусства. Ром. Ч. I. Ц. 1 р.
„ 9. У жертвенника искусства. Ром. Ч. II. Ц. 1 р.

„Весьма талантливый, интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемѣріе современнаго общества“. **Левъ Толстой.**

Жоржъ Экоутъ. Собраніе сочиненій.

Переводъ съ французскаго, разрѣш. автор.

Т. 1. Изъ міра „Бывш. людей“. Ром. Ц. 1 р.
„ 2. Жажда любви. Ром. Ц. 1 р.
„ 3. Защитникъ бездомныхъ. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

„Жоржа Экоута я охотно назвалъ бы бельгійскимъ Горькимъ, настолько онъ рѣзокъ и мучительно правдивъ въ своихъ разсказахъ“. **Иванъ Жилькенъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОСЛѢДНІЯ НОВИНКИ:

I. **Маркъ Криницкій. Синяя Борода**
Романъ. 2-ое изданіе. Ц. 1 р. 50 к.

Новый романъ Марка Криницкаго даетъ жуткую картину потемокъ мужской души. Вѣчная коллизія мужского и женскаго началъ представлена въ романѣ въ новомъ глубоко-трагическомъ освѣщеніи. Вѣрно схваченныя и ярко переданныя лица и краски современности сообщаютъ роману особенную остроту. Романъ „Синяя Борода" по справедливости долженъ быть отнесенъ къ наиболѣе удавшимся замысламъ этого оригинальнаго беллетриста и читается съ захватывающимъ интересомъ, оставляя послѣ себя чувство своеобразной скорбной примиренности.

II. **Его же. Случайная женщина.** Ром. Ц. 2 р.

Въ романѣ „Случайная Женщина" нашли отраженія нѣкоторыя факты изъ текущей современности и, прежде всего, можно сказать съ несомнѣнностью, волнующій кіевскій процессъ г-жи Б., вскрывающій картину нашей негриглядной домашней дѣйствительности.

III. **Пять лѣтъ въ домѣ германскаго принца.**
Дневникъ гувернатки. Ц. 1 р. 25 к.

IV. **Ланди.** Тайна австрійской императрицы Елизаветы. Ц. 1 р. 50 к.

V. **Томасъ Маннъ. Смерть въ Венеціи.** Ц. 80 к.

Рабиндранатъ Тагоръ. Собр. Соч.

Съ предисловіемъ *Зин. Венгеровой* (къ IV кн.).

Кн. I. Жертвопѣсни (Гитанджали). . . Ц. 40 к.
Кн. II. Творчество жизни (Садхана). . Ц. 80 к.
Кн. III. 1) Лирика любви и жизни (Садовникъ).
2) Читра. . . . . Ц. 75 к.
Кн. IV. 1) Король темнаго покоя. 2) Почтовая контора . . . . Ц. 1 р. 25 к.
Кн. V и IV печатаются.

Цѣна 75 к